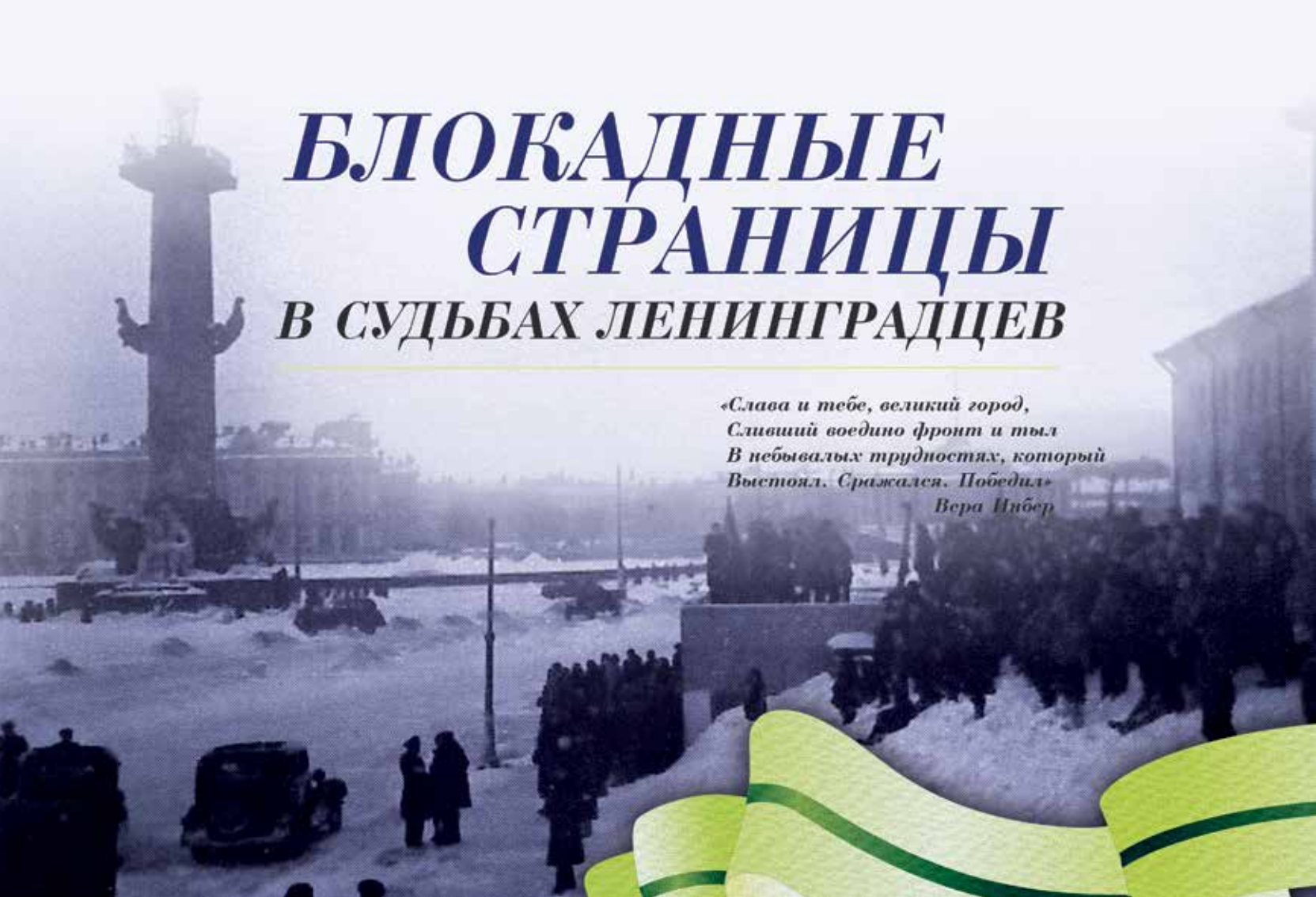

БЛОКАДНЫЕ СТРАНИЦЫ В СУДЬБАХ ЛЕНИНГРАДЦЕВ

*«Слава и тебе, великий город,
Сливший воедино фронт и тыл
В небывалых трудностях, который
Выстоял. Сражался. Победил»
Вера Инбер*

Предисловие

Управление ФНС России по Санкт-Петербургу и Региональная общественная организация «Совет ветеранов налоговых органов по Санкт-Петербургу» подготовили издание, приуроченное к 70-летию Великой Победы, как дань великому подвигу защитников Отечества и нашего любимого города-героя.

Эта книга — воспоминания ветеранов налоговых органов Санкт-Петербурга, переживших блокаду Ленинграда. Это не энциклопедия жизни осажденного города, но рассказ о лично пережитом и сохранившемся в памяти и сердце.

Эта книга говорит о том, как пытались выжить люди в осажденном Ленинграде, какие страдания они испытывали, какую цену платили за то, чтобы спасти свой город, своих родных и близких.

Эта книга о подвиге, но в авторских рассказах читатель не найдет пафосных слов. Они не нужны, они лишние. Свидетельства очевидцев блокады создают впечатляющую по своей силе картину подвига жителей великого города, которую никогда и никому не стереть. В книге использованы рисунки детей-участников конкурсов, посвященных героической Победе в Великой Отечественной войне.

Все меньше тех, кто расскажет внукам и правнукам о войне и блокаде так просто и доходчиво, как это могут сделать участники событий. Цифры и факты из учебников, книги и фильмы, безусловно, важны, но живая речь человека всегда убедительней. Стойкость и самопожертвование ленинградцев, которые в неимоверно тяжелых условиях сумели отстоять город, еще долго будут изумлять человечество.

Рисунок Вислогузовой Татьяны, 16 лет.

Начиная с января 1944 года, блокада Ленинграда оставалась в памяти нашего народа, не будучи забытой ни на минуту. О блокаде говорили, писали, снимали фильмы; возводили памятники и монументальные комплексы, посвященные событиям и людям. И благодаря этой традиции — вспоминать и напоминать — она не забыта и сегодня. И, конечно же, прежде всего, ее помнят сами блокадники, наши современники.

Публикуемые здесь воспоминания убеждают, что можно победить голод, врага и смерть в самой тяжелой и, казалось бы, безнадежной ситуации, если верить, надеяться, не впадать в отчаяние.

Помнят о блокаде не только свидетели, носители «живой памяти», но и их потомки. Новые поколения ленинградцев, петербуржцев выросли после войны. С юных лет дети, внуки и правнуки ветеранов знают, какой ценой оплачено то, что мы имеем сегодня, что несет людям война и какое это великое счастье — мир. Нас роднит с блокадниками благодарная память о тех, кто не смог дожить до Победы. И особенно дороги и ценны нам живые свидетельства участников тех событий. Идут годы, и вот уже мы встречаем семидесятую победную весну. Чем больше лет минует со дня Великой Победы, тем меньше остается на белом свете ее творцов — фронтовиков и героев тыла.

Блокада Ленинграда была и останется в веках великой страницей российской истории. И пока память об этих страшных днях живет в сердцах людей, находит отклик в талантливых произведениях искусства, передается из рук в руки потомкам — такого не должно повторится! Огромное спасибо всем авторам этих воспоминаний! Низкий поклон всем блокадникам! Низкий поклон всем, кто с оружием в руках стоял под огнем, разгромил врага, освободив от блокады Ленинград!

В этом году вся страна, весь наш народ отмечает юбилей — 70-летие Победы в Великой Отечественной войне. Особо дорог этот праздник тем, кто с оружием в руках отстоял свободу и независимость нашей Родины, кто ковал это оружие в тылу и, конечно же, тем, кто пережил Ленинградскую блокаду.

Проходят годы, десятилетия, но память о беспримерном народном подвиге продолжает жить в сердцах новых и новых поколений. Мы преклоняемся перед мужеством участников обороны и жителей Ленинграда, тех, кто подавал всему миру пример стойкости, негибаемой воли и преданности Отечеству. На долю ленинградцев выпали тяжелейшие испытания — голод, холод, бомбежки и артобстрелы, гибель близких людей. Но вера в победу, в добро и справедливость помогала им преодолевать немыслимые испытания во имя добра и справедливости, во имя счастливого будущего нашей Родины. Мы свято храним память обо всех павших защитниках нашей Родины.

Мы преклоняемся перед теми, кто выстоял, победил — перед вами, дорогие наши ветераны. Сколько бы лет ни прошло, ваш подвиг навсегда останется в памяти поколений.

Искренняя благодарность от всех сотрудников налоговых органов за участие в подготовке этой книги! Сердечно поздравляем вас с праздником, низкий поклон за мужество и героизм! Желаем вам крепкого здоровья, счастья и долголетия!

С праздником Великой Победы, дорогие и любимые ленинградцы-блокадники!

*Руководитель Управления ФНС России
по Санкт-Петербургу, В. А. Корязина*

Воспоминания Голубовского Константина Константиновича (МИФНС России № 19 по Санкт-Петербургу)

«Вся наша семья, мать и трое маленьких детей, остались в городе. Отец был призван в ряды Советской Армии, и в начале 1942 года пришло известие о его гибели. Матери одной пришлось тянуть тяжелейшую лямку через все годы блокады города. Немецкие самолеты часто бомбили город. Во время одной из бомбежек произошел трагический случай, который сохранился в памяти навсегда.

До блокады города мы проживали в доме, который выходил прямо на уникальный трехзальный кинотеатр “Москва”. Событие происходило летом 1942 года. Вдруг послышался шум, грохот, взрыв, и мы увидели, что жилой дом, находящийся рядом с кинотеатром, рухнул. В нашей комнате посыпались осколки стекла из двух имевшихся окон. В это время мама находилась на работе (она была продавщицей в промтоварном магазине неподалеку от нашего дома). В комнате находились три брата (старшему было 6 лет, мне около 4 лет, а младший родился 1 мая 1941 года и был еще в коляске). От такого шума и осколков я забрался под кровать, чтобы меня не убило. В это время старший брат схватил младшего из коляски и поволок вниз в бомбоубежище (благо оно находилось под нашей лестницей). Через некоторое время он вернулся вновь и, найдя меня, тоже отвел в бомбоубежище.

Несмотря на обилие осколков, ни один из братьев не получил ранений и порезов. Мама, придя домой (а был обеденный перерыв), не нашла никого и вынуждена была обратиться к соседям (у одной соседки муж служил на Балтийском флоте), у другой соседки никого не было дома. Увидев разбитые окна и не обнаружив детей, она пошла в бомбоубежище, где и нашла нас целехонькими и без всяких порезов.

Этот эпизод войны небольшой, но остался в памяти на всю жизнь, так как старший брат спас нас от смерти.

Мать одна умудрялась воспитывать маленьких детей и, учитывая тяжелое положение с продовольствием, как-то их баловать. Первое время, хотя норма хлеба была и небольшой, но можно было жить, а вот с момента начала блокады норму сократили до 125 грамм. Хорошо, что у матери были небольшие кусочки дуранды (жмыхи от маслобойного завода). Отец там работал до войны, и мать ходила на этот завод что-либо попросить. Вечерами в комнате топили камин-печь всеми имевшимися материалами (дровами, сломанными столами, стульями). Такие вечера запомнились на всю жизнь.

С момента начала блокады к матери приходила родная сестра, которая работала на знаменитой обувной фабрике "Скороход". Путь, который она проделывала от фабрики до нашего дома после работы, был велик. Всем, чем могла, она помогала, иногда приносила лишний кусок хлеба. За водой приходилось ходить в соседний дом.

Как удалось пережить блокаду города — просто удивляешься по настоящее время. А ведь выжили, не умерли и пронесли через всю жизнь чувство Родины».

Рисунок Петровой Анастасии, 14 лет

Воспоминания Максимовой Нины Петровны (МИФНС России № 8 по Санкт-Петербургу)

«Родилась я 30 декабря 1939 года, а 8 сентября 1941 года началась блокада Ленинграда на целых 900 дней. Мне был один год и девять месяцев. Мои папа и мама всю войну и блокаду служили в армии; их часть располагалась в районе Пулковских высот. Жили мы на Курляндской улице в квартире, в которой жила папина родная сестра с детьми.

Всю блокаду и до конца войны мы прожили там, я выехала из этой квартиры в 1975 году. Безусловно, я не помню всех ужасов этих дней. Со слов моих родных, страшных дней было много. Во время обстрела, схватив в охапку меня, они бежали в бомбоубежище.

Налеты были частыми. Зимой 1942 года в одну из комнат попал снаряд, но в это время все взрослые и я были в бомбоубежище.

Голод и холод продолжались 900 дней, но не смогли сломить моих родных, любовь к городу и к жизни победила. Спасибо им за заботу, за доброту, внимание ко мне. Дай бог, чтобы все, что пережило мое поколение, никогда не повторилось.

Здоровья, спокойствия, мирного неба всем живущим сегодня в нашем прекрасном городе».

Воспоминания Маркунас Тамары Константиновны

(Управление ФНС России по Санкт-Петербургу)

«Нашему родному городу Ленинграду не так уж и много лет. Есть города постарше, но на его три с небольшим века выпало немало событий. Начало свое он положил как “окно в Европу”, был столицей и городом трех революций. И блокада города Ленинграда стала одной из самых страшных страниц в его судьбе, но и самой мужественной.

Наш город выстоял в суровые годы Великой Отечественной войны ценой сотен тысяч жизней, горя и лишений. Мы все храним память о героических блокадных днях. Великие бедствия войны наша семья переносила в городе.

Я родилась 7 января 1942 года, и дедушка назвал меня “рождественской звездочкой”. В этот день дали свет и воду. В семье были еще брат Виктор (1940 года рождения) и бабушка. Мама работала в тресте Октябрьской железной дороги. Отец ушел на фронт и погиб в 1944 году.

Дедушка умер 26 марта 1942 года от дистрофии. Наша семья теперь состояла из четырех человек. Все тяжести блокады — голод, холод, болезни — мама, 28-летняя женщина, перенесла в этот период, сохраняя жизнь сыну, дочери, матери. Война, что ты наделала? Это нельзя до конца понять, если не пережить самим и не перенести голод и холод.

Люди Ленинграда отличались добротой и героизмом, одни, умирая, помогали жить другим. Приведу примеры этого периода блокады. Соседка Варвара Михайловна во время тяжелой болезни мамы перенесла ее в свою квартиру на первый этаж, так как мы, истощенные, не могли подниматься на 6 этаж в свою квартиру. Проезжавший мимо отряд моряков, увидев маму на улице с грудным ребенком на руках (со мной), дал ей несколько горбушек хлеба и 5 кусочков сахара и предупредил об опасности каннибализма.

Великие бедствия войны еще больше сплавивали людей. Решением Ленгорисполкома 31 июля 1942 года семьи с малолетними детьми были эвакуированы в северный Казахстан. Мы уехали тоже, и там мама работала в колхозе до Дня Победы. Мы вернулись в Ленинград в 1945 году.

Прорыв блокады 18 января 1944 года стал для меня началом моей новой жизни в любимом городе нашей Родины».

Рисунок Тингаевой Александры, 16 лет.

Воспоминания Рыжкова Геннадия Павловича **(Управление ФНС России по Санкт-Петербургу)**

«Я, Рыжков Геннадий Павлович, родился в Ленинграде 12 октября 1937 года и проживал по адресу: Ленинград, Боровая улица, дом 48, кв. 6. Мы жили в комнате 13 метров в количестве шести человек: отец — Рыжков П. М., 1905 года рождения; мать — Рыжкова М. П., 1908 года рождения; тетя, родная сестра матери, — Шеленкова Н. П., 1873 года рождения; брат — Рыжков С. П., 1929 года рождения; сестра — Рыжкова Н. П., 1934 года рождения; и я.

Все мои воспоминания носят характер отдельных эпизодов и случаев, в силу моего малолетства. Некоторые запечатлелись из разговоров взрослых. Наиболее сильное воздействие на нашу память имело всепоглощающее, обостренное чувство голода, заслонявшее собой все остальные события, происходившие в тот период жизни.

Благодаря большому трудолюбию нашей матери, бравшейся безотказно за любую работу ради куска хлеба, и огромной любви к нам, детям, мы смогли выжить в суровые дни блокады.

Мать перед началом войны работала няней в яслях № 19, относившихся к ткацкой фабрике им. Анисимова и размещавшихся на ее территории. Отец работал столяром, плотником, мостовиком и был призван по мобилизации Выборским Р. В. К. Ленинграда 22.06.1941 года в 1-й отдельный Восстановительный железнодорожный батальон, расквартированный в Ленинграде. В рядах этого батальона отец прослужил всю войну с 22.06.41 по 09.01.46 года, в том числе все 900 дней блокады города. Он был участником снятия блокады.

Также он освобождал Красное Село и Ропшу (19.01.44 года), Гатчину (24.01.44 года), Кингисепп (01.02.44 года); принимал непосредственное участие в обороне Ленинграда; участвовал в прорыве фронтов на Карельском перешейке (11.06.44 года); участвовал в освобождении города и крепости Выборг (21.06.44 года); восстанавливал железные дороги Ленинградского фронта (10.05.43 года). Он имеет правительственные награды: медаль “За оборону Ленинграда”; медаль “За победу над Германией”, награжден нагрудным знаком “Отличник железнодорожных войск”; имеет много благодарностей и многократно поощрялся денежными премиями.

Отец закончил войну на Дальнем Востоке 09.01.46 года. Перед войной брат учился в школе № 309 на Воронежской улице, а я и сестра ходили в детский сад от фабрики им. Анисимова на Боровой улице.

Начало войны застало маму, сестру и меня на летнем отдыхе в поселке Пестово, это восточная ветка ж/д на Москву, куда на лето были вывезены ясельные дети, сотрудники и их дети. Как только была объявлена война, по настоятельному требованию работников фабрики, администрация очень быстро вернула всех в Ленинград.

Брат на лето 1941 года уехал отдыхать к бабушке, матери отца, в деревню Назарьево в Подмосковье на ж/д Фирсановка (сейчас это район Москвы — Зеленоград). С объявлением войны бабушка срочно отправила внука в Ленинград. Таким образом, в самом начале войны вся наша семья вновь оказалась вместе в Ленинграде, кроме отца, который был на Ленинградском фронте. Военные события развивались стремительно. Запомнились налеты самолетов, бомбежки и обстрелы. На улице и дома работали постоянно репродукторы, сообщавшие об очередных налетах, завывали сирены. Мы бросали все и бежали спасаться в бомбоубежище. В конце налетов фашисты сбрасывали листовки с призывом сдаваться. После одного из налетов были полностью уничтожены Бадаевские склады с запасами продовольствия, что способствовало приближению голода. Из окна нашей комнаты мы иногда могли наблюдать воздушные бои и очень радовались, когда наши летчики или зенитчики сбивали немецкий бомбардировщик. Обычно бомбардировщики летели большими отрядами в сопровождении истребителей. Вскоре, для борьбы с налетами фашистских самолетов, в небо над городом начали запускать аэростаты, закрепленные на земле тросами. С наступлением темноты использовалась светомаскировка всех окон, и город исчезал в темноте. Окна драпировали темными шторами, чтобы свет не проникал на улицу. Стекла окон были оклеены бумагой крест-накрест, чтобы они не раскалывались при артобстрелах на мелкие осколки.

Летом были введены продовольственные карточки, которые регламентировали возможность покупки продовольственных товаров, в том числе хлеба.

В сентябре город был полностью блокирован, и начались самые страшные для Ленинграда дни. Уже в ноябре мы стали получать блокадные 125 грамм хлеба на одного иждивенца в день. Наступила самая суровая и голодная зима 1941–1942 годов.

Силы быстро покидали нас, и мы прекратили ходить прятаться в бомбоубежище. Страх притупился за прошедшее время, но чувство нестерпимого голода возросло многократно. Мать и бабушка каждый день молились перед домашними иконами, уповая во всем на волю Божию.

Мы перестали улыбаться, говорили тихо, совсем исчез смех и шутки, а дети разучились играть. Такая же обстановка была и в детском саду, куда мы с сестрой ходили каждый день. Если возникал разговор, то он был только о еде. Брат перестал без надобности выходить на улицу и совсем редко встречался с друзьями.

Зима 1941–42 годов была самым страшным и голодным временем всей блокады Ленинграда, унесшим жизни сотен тысяч ленинградцев.

С введением продуктовых карточек бабушка, так мы звали мамину сестру за преклонный возраст — 68 лет, взяла под свой строгий контроль получение, хранение и расходование всех скудных продуктов. Все продукты она запирала на ключ в буфете шкафа, который постоянно находился при ней, и расходовала минимальными порциями в строго определенное время. Мать не могла заниматься этими вопросами, так как работала почти круглые сутки, чтобы получить деньги или хоть какие-либо куски хлеба или другие продукты.

Брат был подростком 12 лет и единственным дееспособным мужчиной,

на которого возлагалась вся мужская работа: заготовить дрова для печи, принести воду из проруби на Обводном канале у Борового моста. Весной он ходил на берег Обводного канала и собирал лебеду и крапиву; возил нас в детский сад и приводил домой; иногда навещал родственника, дядю Матвея, который был моим крестным отцом и жил на улице Марата, и многое другое. Конечно он больше всех страдал от голода.

Однажды он подобрал ключик к буфету шкафа, во время отсутствия бабушки вскрыл буфет и съел часть продуктов. Это вскрылось очень быстро, за что он и был строго наказан, в том числе ремнем. Но мать и бабушка его щадили, понимая его состояние, и чуть больше давали ему еды, и все хлебные крошки и другие кусочки пищи доставались ему.

Воинская часть, в которой воевал отец, стояла за Кировским заводом, и брат изредка его навещал. Солдатский паек был очень скуден, но отец экономил на себе и накапливал некоторое количество хлеба и отдавал его брату, который приносил его домой для дележа между всеми. Служивцы тоже давали ему немного хлеба. Иногда отец делился с братом обедом.

По дороге домой, иногда брат навещал бабушкину знакомую, которая работала в саду 9-го января на улице Стачек. Весной и летом бабушка Маня, так ее называла наша бабушка, кормила брата обедом, который весь состоял и готовился из травы (крапива, лебеда и другие травы). Она делала из травы котлеты, варила щи и тушила. Конечно, это помогало ему на какое-то время обмануть голод, забыть о нем, но он очень скоро возвращался. Брат, бывая на улице, рассказывал нам как разбомбили тот или иной дом у Борового моста, в который и целились фашисты, как бомбили Анисимовскую фабрику, что на берегу Обводного канала валяется множество трупов, часть которых были оставлены родственниками, так как они не имели возможности и физических сил донести их до Волковского кладбища.

Бабушка была верующей и хоть редко, но ходила в церковь на Волковском кладбище, которая действовала всю войну. Брат помогал ей дойти до церкви. Они рассказывали, что зимой 1941–1942 года вдоль дорожки к церкви лежали уложенные поленницей замерзшие трупы. Весной, с наступлением тепла, их хоронили в братские могилы безымянными. Из окна нашей комнаты мы могли наблюдать, как по булыжной уличной мостовой везут грузовиками на Волковское кладбище наваленные окоченевшие трупы.

Однажды фугасная бомба попала прямо во флигель нашего дома, стоящий во дворе, и обрушила все этажные перекрытия. Погибло несколько человек, которые находились в доме. К счастью, наш флигель дома не пострадал. Этой же зимой сбоку под нашу комнату влетел в межэтажное перекрытие снаряд и не взорвался, так как оказался «болванкой». Вылетели оконные стекла. В этот момент в комнате находилась только бабушка, которая сильно испугалась, но не пострадала.

Блокада запомнилась мне и сестре на всю оставшуюся жизнь невыносимым чувством голода, только еда заполняла все наше существо. В детском саду кормили нас голодно, но тем не менее хоть что-то регулярно попадало в желудок. Запомнилось то, что дети не играли, больше сидели задумчивые, вели себя тихо. В тихий час всем не спалось. Накрывшись одеялом с головой, мы пытались что-то жевать — нитки, бумагу.

С наступлением весны нас, детей, стали выводить гулять во двор детского сада. Нас строго предупреждали не есть траву, так как мы могли заболеть и умереть, но мы, по-детски скрывая, щипали и ели. После прогулки нас проверяли, заставляя открывать рот. Увидев, что мы ели траву, ругали, но строго не наказывали, понимая, как трудно нам, голодным, удержаться от этого. Детские организмы были очень ослаблены, поэтому мы часто болели и оставались сидеть дома.

В такие дни бабушка ходила в детсад и получала полагающееся на нас питание, что помогало выжить в это трудное для всех время.

Мой отец до начала войны работал столяром-краснодеревцем, вся мебель в нашем доме была изготовлена его руками. Поэтому в доме всегда хранился некоторый запас столярного клея. Раньше такой клей изготавливался из натурального костей, и в нем было много желатина. Бабушка быстро сообразила, что он съедобный и стала варить из него похлебку. Это стало подспорьем в питании на некоторое время.

С довоенного времени у нас хранилось некоторое количество порошка для борьбы с тараканами, который изготавливался из натуральной муки с добавлением какого-то яда. Бабушка решила его использовать для выпечки оладьев, а их безвредность проверить на брате. Брат с большим удовольствием съел несколько штук. Удостоверившись, что порошок безвреден, она стала давать оладьи и нам. Так простая человеческая мудрость и житейский опыт помогали бабушке находить источники возможного пропитания.

Все, что было в доме ценного, бабушка обменивала на куски хлеба, чтобы хоть как-то всех нас поддержать.

На первом этаже нашего дома размещалась булочная и продовольственный магазин. Бабушка и брат регулярно ходили туда, чтобы отovarить карточки. По их рассказам, они несколько раз были свидетелями, как при выходе из булочной из рук людей выхватывали последнюю надежду — 125 грамм хлеба. Выхватившие хлеб убегали, запихивали в рот и останавливались только тогда, когда хлеб был проглочен.

Конечно, таких догоняли и били, но им это было уже безразлично. Преступниками были самые обычные голодные и несчастные люди. Участились случаи воровства карточек, их выхватывали из рук выходящих из магазина. Это было самым страшным, так как обрекало на неминуемую смерть их владельцев. Поймать таких преступников практически было невозможно.

Рисунок Щербаковой Виктории,
17 лет.

Рисунок Адылова Алексея, 12 лет.

Когда мы болели и оставались дома, мы проводили время сидя в кровати, которая стояла в углу комнаты около окна, и мечтали, что, когда закончится война, мы весь угол комнаты от пола и до потолка заполним буханками сушеного хлеба. Это был предел наших мечтаний и фантазий, на что-то другое ее не хватало.

Спать совсем не хотелось, и однажды вечером, глядя в окно, мы увидели, что в сквере на территории фабрики какой-то человек стреляет в небо из ракетницы. На другой день был обстрел фабрики, и некоторые здания были разрушены. Мы для себя решили, что это был вражеский наводчик, так как подобные случаи уже были в блокадном городе.

Зима 1941–42 года унесла сотни тысяч жизней, и среди наших родственников были умершие:

- умер от голода наш родственник, мой крестный отец, дядя Матвей;
- умерла от голода бабушкина родственница, много людей умерло среди наших знакомых, в том числе среди соседей по дому.

Благодаря маме, которая почти сутками работала, но которая успевала периодически всех нас намыть в прачечной яслей и выстирать нашу одежду, мы выглядели ухоженными. Мы были страшно истощены, но были чистые и без вшей.

Так мы встретили весну 1942 года.

Рисунок Сергеевой Екатерины, 8 лет.

Рисунок Тишакова Михаила, 15 лет.

С появлением первой травы брат стал ходить на берег Обводного канала и собирал первые побеги лебеды и крапивы, а бабушка варила, тушила и жарила подобие котлет и кормила нас. Это тоже было добавкой к очень скудному нашему пропитанию и помогало нам выжить и бороться с цингой.

К лету 1942 года здоровье матери и всех нас резко ухудшилось, сказывалось постоянное недоедание и голодание. Мать одна работала, а мы все четверо были иждивенцами, поэтому мы получали по карточкам меньшие пайки. К концу июля месяца мать заболела цингой, а у бабушки открылись сильные головные боли, и она слегла. Боли были настолько сильные, что она иногда кричала и просила чтобы ей отрезали голову. У меня поднялась температура до 40 градусов, и появился жар, мать боялась, что я не выживу.

В начале августа мы получили предписание в течение нескольких дней покинуть город и отправиться в эвакуацию в Сибирь. Следующую зиму в подобных условиях мы бы точно не пережили.

Отец отпрашивался на один день, чтобы помочь нам собрать, упаковать в тюки и увязать их. Кроме того, необходимо было переправить нас всех с вещами на Московский вокзал, откуда мы должны были отправиться по Дороге жизни на Ладогу.

Московский вокзал запомнился своим центральным залом ожидания, где на диванах с высокими спинками сидели с вещами эвакуирующиеся люди.

Мать ушла, чтобы отоварить продовольственные карточки. В зале было достаточно тихо, только постоянно работало местное радио, предупреждавшее, чтобы люди не съедали все полученные продукты сразу, потому что это могло привести к смерти.

Мать вернулась через какое-то время и принесла пшеничную кашу с маслом и много хлеба. Мы онемели, поскольку не видели такой картины в течение долгих месяцев голода и успели отвыкнуть от такой роскоши. Мать и бабушка строго соблюдали переданные по радио наставления. Все мы поели ограниченное количество пищи, но уже одно это вселяло в нас надежду на лучшее. У меня продолжала держаться высокая температура.

Когда объявили о посадке, вещи были погружены на багажную тележку на трех колесах. Меня посадили поверх вещей. При выезде на перрон тележка накренилась, и я упал, но все обошлось благополучно и без последствий. На поезде мы отправились в неизвестное — на Ладогу.

Ладога встретила нас теплой и солнечной погодой. К причалам приходили баржи, которые загружались вещами и людьми. Кругом царил неразбериха, шум, суета и спешка. При погрузке вещи иногда падали в воду, но их не вылавливали, так как торопились, чтобы не попасть под обстрел. Я запомнил только то, что отсеки баржи были неширокие и глубокие, на мой детский взгляд. Мы сидели на своих мешках.

Нам посчастливилось, мы не попали под обстрел или бомбежку и благополучно переплыли на другой берег. Там нас погрузили с вещами на машины и повезли на железнодорожную станцию по песчаной дороге. Одеты мы были тепло, не по-летнему, но ехать было холодно, поскольку мы были сильно истощены. Затем на станции нас погрузили в “телячьи вагоны”, в которых не было окон. Вещи клали прямо на пол, а поверх вещей располагались люди. Мать сделала из вещей подобие кровати и положила меня, жар не спадал.

Рисунок Литфулина Романа, 11 лет.

Так мы поехали в эвакуацию навстречу неизвестному. Местом назначения был Алтайский край, Барнаульский район, пос. Белоярск (в 30 км от Барнаула). Ехали мы туда с приключениями целый месяц, так как на всех крупных станциях состав загоняли в тупик, чтобы пропустить военные поезда с солдатами и военной техникой.

Там мы могли простоять несколько суток, а могли отправиться быстро. Питались тем, что имели при себе, и тем, что успевали выменять у местного населения на вещи — картошкой, капустой, огурцами. Но это уже другая история нашей жизни со своими страхами, бедами, трудностями и скудным пропитанием.

В настоящее время из всей нашей семьи блокадников живы только двое: сестра, Лошкарева (Рыжкова) Н. П., ей 80 лет, и я, Рыжков Г. П., мне 77 лет.

Примечание брата: Балтийский флот стоял на Большой и Малой Неве. У Балтийского завода у стенки стоял линкор «Октябрьская революция», бывший «Гангут», другой линкор стоял в порту. Крейсера, миноносцы и эсминцы стояли по Большой и Малой Неве у мостов. «М. Горький», «Киров», «Смелый», «Резвый» и многие другие стояли у Республиканского моста и за ним.

Брат умер в День Победы, 9 мая 2000 года».

**Одно из воспоминаний о блокаде
моего брата, Рыжкова С. П.
(написано 5 сентября 1989 года)**

Не забыть мне блокадные годы,
Те обстрелы, налеты, гудки;
Крейсера на Неве, пароходы
И разломы домов на куски.

Там дымится огромная куча —
Это дом разбомбили вчера,
Голоса раздавались под кучей,
А сегодня затихли с утра.

Сандружинницы здесь покопались лопатой,
Ну а техники нет, так и спросу с них нет,
А потом уже, в мирное время, стройбат
Доставали в земле за скелетом скелет.

Город весь запорошен был снегом,
А на нем ленинградцы лежат,
Рядом саночки с невской водою,
Негу сил дотянуть тот ушат.

Нам предсказывал Петр когда-то:
«Город Питер наш непобедим»,
Но Победа казалась чреватой,
Чуть-чуть теплилось, что отстоим.

Рисунок Шишкина Павла, 10 лет.

Сколько было тогда пережито,
И ужасно голодный паек,
Люди пухли, какая защита?
Лишь еще протянуть бы денек.

Появилась надежда — Победа!
Сколько все же людей полегло,
Сколько съем я сейчас за обедом —
Продержаться десяток могло.

Рисунок Теняевой Валерии, 4 года.

Вот уж немец обстрелы закончил
И листовки пустил, доедайте бобы,
А в конце той листовки прибавил,
Доедите бобы и готовьте гробы.

На Обводном покойников кучи,
Нет сил до Волкуши везти,
Оставляли родных иль спускали под кручу,
Чтоб самим чуть живым добрести.

До сих пор мне покойники снятся,
Безысходность была — ну, хоть плачь,
Но не думал тогда я, не ведал,
Что все выдержит город-силач.

Вот сейчас говорят, что жить будем все хуже,
Обывательски так затужили иные,
Не пугайте нас мирным вы временем,
Мы блокаду голодную здесь пережили.

Пронесутся года, нас наверно не будет,
И других уж людей будет время менять,
Но как прежде прекрасный наш город
Вдоль Невы будет вечно стоять.

А при въезде, как память блокады,
Аникушин нас всех изваял,
В назидание всем и блокадники рады.
Ратный дух Ленинград никогда не терял.

Воспоминания Скорняковой Людмилы Владимировны (МИФНС России № 3 по Санкт-Петербургу)

«Я, Скорнякова Л. В., родилась 2 марта 1938 года в Ленинграде.

В 1941 году вся семья из пяти человек (папа, мама, сестра, брат и я) проживали в Старом Петергофе. Когда началась война, папа был в командировке на Шпицбергене.

Мама в день войны с утра (она еще не знала, что началась война) уехала в Ленинград в папину контору за его зарплатой, и, как она рассказывала, ей повезло — она успела на последнюю уходящую электричку и доехала домой, так как война началась уже когда она приехала в Ленинград. Она очень переживала впоследствии, что было бы, если бы она не успела доехать до нас.

«Но мне повезло», — говорила она. — «Я успела доехать до дома».

Сразу по приезду домой мама собрала необходимые вещи, продукты в дорогу.

Сестру 1939 года рождения посадили в коляску, братика шести месяцев мама положила к себе в повязке на грудь, мешок с вещами в коляску, мешок с продуктами на спину в специальный мешок, а я держалась рукой за коляску (ручку) и шагала.

Уехали мы вместе с ее подругой, у которой было двое детей: мальчик 1 год и девочка 4 года (со слов мамы).

И так мы шли пешком в сторону Ленинграда. В городе нам помогли люди на лошади, они всех нас забрали и посадили на телегу, потом нам другие люди помогли, так говорила мама.

В Ленинграде мы пришли к маминей сестре, которая жила близко от Балтийского вокзала, на улице Шкапина, в трехэтажном доме, на втором этаже в двухкомнатной квартире. Там нас проживало: мама, сестра, я, тетя и ее дочь. По приезду в Ленинград братик умер.

Мама устроилась работать в госпиталь санитаркой на Фонтанке. Нас опекала тетя (сестра мамы). Мы ходили по улице в сторону кинотеатра «Москва» и очень часто встречали людей, которые лежали на тротуаре, точнее, на дороге. Спрашивали у тети: «А почему тетеньки лежат на дорогах?». Нам отвечала тетя: «Они устали и теперь спят».

Таких случаев было много. Было трудно жить, но, слава богу, все закончилось. В 1945 году за нами на машине приехал папа и увез нас в Петергоф на улицу Ленина, дом 1, к маминой тете в квартиру, в которой проживали три семьи.

В комнате нас было семь человек — четверо нас (папа, мама, сестра и я) и тетина семья из трех человек (дочь, сын и тетя). Мы с сестрой спали на матрасе под столом. Было тесно, но хорошо — у себя дома. В 1946 году папе дали комнату в трехкомнатной квартире на улице Красный проспект в Петергофе.

Мама работала с 1946 года в поликлинике медсестрой в зубном кабинете, а мы пошли учиться в 1946 году в школу № 419.

Трудностей было много во время войны, но мы были маленькими, а родителям, конечно, было тяжело все это пережить и забыть.

Я — житель блокадного Ленинграда (удостоверение Л № 3131 к знаку “житель блокадного Ленинграда”, вручен 15.03.1993 года).

На данный момент являюсь ветераном Великой Отечественной войны (№ 2628384 от 22.10.2002 года).»

Воспоминания Станковой Антонины Константиновны (МИФНС России № 21 по Санкт-Петербургу)

«Я родилась в Ленинграде 25 февраля 1937 года. Когда началась война, мне было 4 года, мы гуляли с моей тетей в парке Царского Села.

Отец ушел на фронт, и я осталась с мамой и тетями. Две сестры мамы и две сестры папы. Все собрались в нашей 15-метровой комнате на Верейской улице, угол Обводного канала, из которого во время блокады мы брали воду зимой, а весной по нему поплыли покойники. Зимой 1942 года мамочка заболела тифом и, если бы не случайность, наверное бы, умерла. Тетя, стоя в очереди за хлебом, нашла врача. Его привезли на санках за пайку хлеба и то потому, что мы жили на первом этаже (выше бы не пошел). Это был профессор. И за вторую пайку хлеба он дал лекарство и сказал, что “молодая, сердце здоровое — выдержит”.

Мамочке было 27 лет. Она выжила благодаря тому, что нас было много и тети могли выделить этот хлеб.

В октябре 1942 года нас с мамой эвакуировали по Дороге жизни пароходом в Ярославскую область (папина родина) к чужим людям. Там, когда мамочка увидела траву лебеду, она была удивлена, что ее никто не съел.

Еще мамочка рассказывала мне, и я плакала, что в блокаду в булочной лежал на полу ремесленник-мальчик, умирал и просил хлеба: “Неужели вам жалко хлеба?”. Но кто мог дать, когда у всех самих были дети?

Уезжать из Ленинграда мамочка не хотела, так как в 1942 году уже прибавили норму хлеба.

Когда прорвали и окончательно сняли блокаду, в деревне смеялись, и плакала только моя мамочка, которая испытала все трудности невероятные и спасла меня.

Весной 1944 года одна из оставшихся в живых папиных сестер, которая служила на аэродроме в Левашово, прислала нам вызов, и мы вернулись в Ленинград. В сентябре 1944 года я пошла в школу, мне исполнилось 7 лет.

Все помню со слов мамочки, так как у меня в памяти остался только страх, пожарные всполохи, вой сирен и стук метронома. До сих пор, когда услышу стук метронома, думаю, что начинается война. Страшно боюсь темноты.

Извините, что плохо пишу, так как написала на одном дыхании. Плачу, не могу вспоминать. Никого из родных уже нет. Некоторые лежат на Пискаревке, другие на Охтинском.

31.01.2015 года».

Рисунок Яковлевой Дарьи, 7 лет.

65-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПОМНИМ СВОИХ ВЕТЕРАНОВ

Владимир Николаевич Латонов ушёл на фронт 4 июля 1941 года семнадцатилетним юношей. Прошёл с боями в артиллерийских частях от Сталинграда до Берлина. Участник боев за освобождение Сталинграда. Воевал на Курской дуге. Освобождал Белоруссию, Польшу, Варшаву. Участник штурма при взятии Берлина. Прослужил в Советской армии 31 год. Много работал с молодёжью. Вырастил дочь и двух внуков.

В МИФНС России № 21 в Красногвардейском районе, в отделе проверки юридических лиц № 1, много лет трудилась Антонина Константиновна Станкова.

В настоящее время Антонина Константиновна находится на заслуженном отдыхе, но в Исполком продолжает трудиться её ученики: О.И. Корж, Н.В. Соколова, В.И. Егорова, Е.Л. Баранова.

Антонина Константиновна родилась в Ленинграде 25 февраля 1937 года. Война началась для маленькой девочки во время прогулки с тётей по парку в Царском Селе — тогда они услышали о нападении Германии. Отец ушёл на фронт, а мама Антонины тяжело заболела тифом, поэтому воспитание племянницы взяла на себя тётя Валя, близкий человек и член семьи.

После войны Антонина окончила школу и поступила в Ленинградский финансово-кредитный техникум. В 1955 году после окончания техникума была направлена на работу в Новгородскую область в посёлок Хвойный, где работала в банке. В 1958 году вернулась в Ленинград и пришла на работу в Калининский райфинотдел инспектором по государственным доходам. При выделении в 1973 году Красногвардейского района из Калининского пришла на работу в Красногвардейский райфинотдел начальником отдела госдоходов. С 1 июля 1990 года при реорганизации райфинотдела в ПНН Красногвардейского района перешла на должность начальника отдела по контролю госдоходов, где проработала до пенсии. Неоднократно была награждена почётными грамотами и лампными медалями и вырастила профессионально достойных учеников.

Коллектив МИФНС России № 21 по Санкт-Петербургу сердечно поздравляет Антонину Константиновну с 65-летием Дня Победы.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ

ОФИЦИАЛЬНО

Поздравления с 65-летием от имени коллектива МИФНС № 21 по Санкт-Петербургу

Воспоминания Черкас Светланы Степановны (Управление ФНС России по Санкт-Петербургу)

«Я, Черкас Светлана Степановна (девичья фамилия Мальцева), родилась 19 июля 1939 года в деревне Городшина Нюксенского района Вологодской области, на родине моих родителей: папа — Мальцев Степан Федорович, 1905 года рождения, мама — Мальцева Елизавета Ивановна, 1907 года рождения.

В Ленинграде живу с сентября 1939 года, по возвращении мамы из отпуска.

Папа дважды пытался эвакуировать маму, мою среднюю сестру Зою и меня, но мама категорически отказывалась, сказав, что если суждено — выживем в блокадном городе. К слову, оба поезда, в которых вывозили в разные дни ленинградцев и планировалось эвакуировать и нас, попали под бомбежку — очень много народа погибло и покалечило. Моя старшая сестра Фаина, глухонемая, была эвакуирована с интернатом в Челябинск.

Когда началась война, мы жили на проспекте Майорова (ныне Вознесенский проспект) в д.3/5, в коммунальной квартире. Во двор дома попал снаряд, пострадала стена, примыкавшая к нашей комнате, и нас разместили в доме 19, квартире 53 на улице Гоголя (ныне улица Малая Морская), где мы жили все блокадные дни (семья, занимавшая эту квартиру, погибла во время бомбежки поезда, а глава семьи погиб в первые дни войны).

С 16 января 1940 года папа, в соответствии с Решением 1-й сессии Совета Депутатов Трудящихся Октябрьского района, был переведен на работу заместителем Председателя Исполнительного Комитета трудящихся Октябрьского района и проработал в этой должности по 7 мая 1947 года. Основной сферой ответственности папы во время блокады была работа местной противовоздушной обороны (МПВО) в Октябрьском районе, а также, совместно с милицией, препятствование мародерству (в период с 1939 по 1959 годы папа был депутатом райсовета).

После войны папа работал начальником штаба МПВО сначала Октябрьского, а затем Дзержинского районов. Будучи военным служащим, обучался в Москве. Уволился из органов МВД СССР в чине подполковника. В 1950 году папа окончил Государственный Педагогический институт имени А. И. Герцена по специальности “преподаватель истории”.

По достижении пенсионного возраста папа получил пенсию Республиканского значения с вытекающими льготами.

За свою трудовую деятельность папа имел следующие награды:

- Орден Великой Отечественной войны 2 ст. за боевые заслуги (248932) — в 1944 году;
 - медаль “За боевые заслуги” — в 1942 году;
 - медаль “За оборону Ленинграда” — в 1942 году;
 - медаль “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.” — в 1945 году;
 - медаль “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.” — в 1945 году;
- и еще пять юбилейных медалей.

Скончался папа в 1973 году в возрасте 67 лет после тяжелой болезни — сахарного диабета.

Мои воспоминания о блокадных днях весьма скудны, вместе с тем кое-что я помнила с детства. Так, я видела, как осколком снаряда был снесен газетный киоск, располагавшийся на углу улицы Дзержинского (ныне Гороховая улица) и улицы Гоголя.

Кроме того, помню, как я с сестрой Зоей ходила во двор дома 16 по улице Гоголя после того, как там рухнул дом во внутреннем дворе, — мы собирали осколки очень красивой посуды и играли с ними. От папы за это нам с сестрой, а также маме очень попало. Со слов мамы, меня пытались похитить, а именно, это был сын знакомых родителей — Анатолий Чирков.

Это случилось в декабре 1941 года, уже тогда были известны случаи людоедства. К счастью, мама вовремя вернулась из комнаты. Без внимания папы этот эпизод также не остался. С момента, когда в городе разрешили высаживать семена овощей в любом пригодном для этих целей месте, мы выращивали белокочанную капусту в Исаакиевском сквере, напротив гостиницы Астория, о чем свидетельствует сохранившаяся фотография 1943 года, где я с мамой собираю гусениц с капустных листьев.

Помню еще возвращение старшей сестры Фаины из эвакуации в феврале 1944 года.

Рисунок Назаровой Мариш, 10 лет.

Училась я в 239 средней школе, которая располагалась в д. 1 по проспекту Майорова в бывшем Дворце Лобанова-Ростовцева. Школа начала работать с 1943 года, сестра Зоя пошла в первый класс, а я — только в 1946 году. Одновременно я училась вечерами в музыкальной школе-семилетке, которая располагалась в Матвеевом переулке. По окончании в 1954 году музыкальной школы по классу фортепиано я не продолжила музыкальное образование.

Работать начала в 1956 году в качестве счетовода Домохозяйства № 22 Дзержинского района. Училась без отрыва от производства в Ленинградском финансово-экономическом институте, получила специальность “экономист”.

Работала в финансовых органах, на предприятиях, в Управлении местной промышленности Исполкома Ленсовета, в Городской налоговой инспекции, также в Управлении городских налогоплательщиков в должности главного государственного налогового инспектора, затем в частной аудиторской фирме.

Общий стаж работы составил 47 лет. За время работы была награждена Орденом Знак Почета (1107502) в 1976 году, медалью “Ветеран труда” за долголетний добросовестный труд в 1984 году, юбилейными медалями, почетными знаками и Почетными грамотами.

Я счастливый человек — у меня есть любящие и любимые муж, сын, жена сына и внук».

Воспоминания Борисова Виктора Павловича (Управление ФНС России по Санкт-Петербургу)

«Я родился в Ленинграде в январе 1939 года. Когда началась война, мне было 2 с половиной года. В мае 1941 моя мама, Ольга Григорьевна, отправила меня сядями в пригород Ленинграда — город Тайцы Гатчинского района. А моя 12-летняя сестра Люда и 5-летний брат Леня отдыхали у дальних родственников в д. Боровичи Новгородской области.

Когда началась война, маме необходимо было быстро собрать детей дома в городе. Так как Люда и Леня были далеко от города, а фронт приближался быстро, мама в первую очередь поехала за ними. Добираться до них было уже непросто. Ей пришлось даже идти пешком около 40 км.

Забрав детей, она пешком с ними добралась до станции. Пассажирских поездов уже не было. Народу было очень много, людей запихнули в товарные вагоны. Было настолько тесно, что всем приходилось стоять, даже невозможно было присесть на корточки. По воспоминаниям сестры и брата: по ходу передвижения поезд обстреливался. Перед какой-то рекой (названия не помнят) поезд остановился, мост был поврежден бомбежкой. Всех высадили, остальной путь смогли продолжить лишь после его восстановления. Часть людей, по воспоминаниям брата Лени, куда-то делась. В вагоне стало посвободнее, и они относительно благополучно добрались до дома. В начале июля мама с трудом отпросилась с работы и поехала за мной в Тайцы. Немцы были уже недалеко от Гатчины, людей в ту зону уже пропускали с трудом. Мама рассказывала, что когда она добралась до яслей, там остались только два сотрудника и несколько детей, включая меня. Воспитательница с ужасом бросилась к матери и стала кричать: «Забирайте скорей своего ребенка и бегите на поезд. Сейчас уйдет последний поезд». Она не дала матери даже собрать мои вещи. Я сидел и играл в песочнице совсем голенький. Мама сняла с головы свою косынку, обмотала меня, сделав типа купальника, и со мной побежала к поезду. Там действительно отходил товарный состав с солдатами, поезд уже тронулся, и солдаты на ходу втащили нас в поезд. Маме удалось собрать всех детей вместе. Положение в городе становилось все тяжелее, и власти города настоятельно предлагали маме эвакуацию детей. На предложения отправить детей мама каждый раз отвечала отказом, решив, что, если суждено, то будем погибать все вместе. Так мы остались на всю блокаду в Ленинграде.

Рисунок Фролова Мартина, 12 лет.

8-го сентября город уже был в блокаде. Дома оставались мы втроем. Я, брат Леня и сестра Люда. Отец ушел в армию добровольцем. Мама и наш старший 16-летний брат Лева много работали, и мы их редко видели. Полной домашней хозяйкой и мамой для нас стала 13-летняя сестра Люда. Голод и холод быстро дали знать о себе. Конец 1941 года и 1942 года были для нас самыми тяжелыми. Мы быстро худели. К декабрю 1941 года от слабости я перестал ходить, брат тоже ослабел. Тепло берегли. На кухне стояла чугунная плита, которую топили. На ней разогревали то, что еще можно было подогреть попить и съесть. На кухне практически мы все и жили. Рядом с плитой вплотную стоял сундук, на нем я спал и брат. Брат Леня тоже уже с большим трудом мог забраться на этот сундучок. Питались мы всем, что можно было грызть и сосать. Ели мы разное. Хорошо запомнился вкус поджаренных на сухой сковороде очисток от картошки.

Сестренка варила нам какое-то варево — кашу, очень вязкую и противную. Конечно, мы все любили “дуранду”, она была очень вкусной. Ее можно было очень долго есть-сосать, облизывать, а вот откусить ее было невозможно. Из чего она была сделана, точно не знаю, а вот вкус ее помню до сих пор. Приходилось есть и другое — типа супа с бумагой и кусочками кожи. Самым вкусным и дорогим для нас был хлеб. С хлебом мы делали “тюрю”, то есть в кружку с кипятком набивали свой кусочек хлеба. Если имелся кусочек сахара, то это был праздник. Сестренка строго смотрела за нами, чтобы мы не обижали друг друга.

Во время бомбежек сначала мы ходили в бомбоубежище. Там было очень тесно. Потом мама сказала, чтобы мы не спускались в бомбоубежище, потому что если бомба попадет в дом, то завалит всех, и выбраться вряд ли удастся. Мама показала нам место у стенки в коридоре, к которой выходила печка-камин (как показал опыт бомбежек, обычно не рушилась стена около печки) и велела при воздушной тревоге стоять там до отбоя. При бомбежках мне было очень страшно, дом сотрясаясь, казалось, что он сейчас рухнет.

Помню, как в квартире вылетели стекла верхней рамы окна. Мы с братом сидели недалеко от окна, спасла нас плотная штора на окнах. Однажды в наш дом попал снаряд, который не взорвался, приехали солдаты, обезвредили его и увезли.

Иногда во время тревоги мы подсматривали в щелочку штор. На темном небе светили прожектора, которые искали вражеские самолеты. Было боязно, но интересно. Со временем я привык.

Зима 42-го года была очень холодной, дрова берегли. Поэтому сестра Люда, найдя на улице любую палочку, тащила ее домой. Топили и книгами, и мебелью. Отоваривать карточки тоже приходилось сестренке. Она понимала, что если она опоздает к открытию булочной, уже ничего не достанется, поэтому они с подружкой по лестничной площадке бегали занимать очередь холодной ночью. Так как ночью ходить по городу не разрешалось, то они прятались в подворотнях и парадных. Иногда

сестренка играла с нами в продавцов и покупателей. Она отрезала от бумаги маленький кусочек, как талон от карточки на хлеб, и по очереди давала нам приговаривая: “Получите, пожалуйста”. За водой Люда с Леной ходили на речку Ждановку, около нынешнего стадиона Петровский. До дома приносили по полведра, берега были высокие, крутые и ледяные от пролитой воды. Ведро надо было поднять на четвертый этаж, лестницы были высокие, да и ступеньки обледенелые от пролитой воды. Света не было, лестницы были темные, иногда в темноте люди сталкивались. Позднее появились фосфорные стеклышки, которые прикреплялись к одежде, и благодаря им люди видели встречаемых. Позже, уже после победы, мы с мальчишками часто играли ими.

К лету 42-го года мы с братом немного окрепли. Мне было уже 3 года, брату — 6 лет, я уже мог ходить. К тревогам и бомбежкам мы привыкли и передвигались на улице вдоль стенки. Осенью 42-го года заработал детский сад-ясли, и мы с братом стали его посещать. В детсад нас водила сестра. Детсад поддерживал нас едой и давал нам рыбий жир, он был невкусный, но обязательный. Кормили нас разными супами, среди них крапивный, из одуванчиков и прочие травяные. При обстрелах нас водили в бомбоубежище фабрики «СВЕТОЧ», детсад был напротив фабрики.

В октябре сестренке Люде исполнилось 14 лет, и она пошла устраиваться на работу в мастерскую «Швейник», где шили одежду для солдат. Люда приходила устраиваться туда и раньше, просила, чтобы ее взяли, сказав, что иначе, без рабочей карточки, она умрет, но ей отказали, сказав, чтобы приходила, когда исполнится 14 лет. Теперь ее взяли, заведующая пожалела ее. Сестра, по пути утром на работу, доводила нас до угла Большого проспекта и Пионерской улицы, дальше по Пионерской до Б. Пушкинской мы шли в детский садик сами, а она от угла смотрела, как мы добежим. Затем бежала на работу, она находилась у следующего перекрестка. Иногда сестра брала нас с собой. Одних оставлять нас было страшно. Мы спокойно сидели, пока она трудилась. На работе ее прозвали “маленькая мама”.

Рисунок Виноградовой Алеси,
3 года.

1943 год принес нам радость и горе. В 1943 году состоялся прорыв блокады Ленинграда. Мне исполнилось в январе 4 года. Я помню этот грохот салюта разных орудий. Он был очень длительным, и я очень испугался. Мне казалось, что это страшная бомбежка. С едой стало чуть получше. Увеличилась пайка хлеба, появились другие продукты. Стало появляться масло, по чуть-чуть нам давали его в детсаде.

Еще осенью 1942 года нашему старшему брату Лева исполнилось 17 лет, и он был призван в армию. Когда в 1943 году начались сильные бои по прорыву блокады, наш брат Лева погиб на Синявских высотах. Ему было 17 лет. Извещение пришло позже даты прорыва блокады. Мама после этого очень сдала и изменилась в лице. Я даже перестал ее узнавать. А затем в боях на Ораниенбаумом пятачке был ранен наш отец. Его отправили в наш город в госпиталь. Мама взяла с собой меня и брата Леньку, и мы поехали к отцу. Многие раненые солдаты госпиталя старались нас, детей, обязательно угостить. Помню, в одной палате лежали обожженные танкисты, на них страшно было смотреть. Меня подозвал один из них. Лицо и руки его были и черные, и красные, все обожженные. Он что-то мне протянул, но я не мог от него взять (хотя кушать, конечно, хотелось) подарок. Тогда мама взяла, отдала его мне и сказала, чтобы я поблагодарил танкиста. Я так и сделал. У отца было ранение в ногу. После выписки его из госпиталя демобилизовали по инвалидности и возрасту, ему было уже 47 лет. 1943 год подходил к концу. Стало немного сытнее. Бомбежки и обстрел все еще продолжались, но мы ко многому уже привыкли. В январе 1944 года мне было уже 5 лет. В январе же состоялось полное освобождение города от блокады. И уж эту радость на лицах и мощный салют я запомнил!».

Воспоминания Васильевой Людмилы Федоровны
(МИФНС России № 17 по Санкт-Петербургу)

«Родилась 16 октября 1931 года в Ленинграде. Наша семья: мама, папа, я и младшая сестра жили за Невской заставой на улице Большая Шемиловка (теперь это улица Бабушкина) у завода “Вена”. Помню начало войны, что была жаркая погода и общее угнетенное, подавленное настроение. Папу мобилизовали в войска МПВО. Они откапывали жителей разрушенных домов, тушили пожары, освобождали места от неразорвавшихся снарядов и бомб. Но в декабре 1941 года его направили на передовую Ленинградского фронта. По дороге на фронт он сумел зайти домой.

Помню ночь, окно занавешено одеялом. Холодно, горит коптилка. Он зашел на несколько минут, был в плащ-палатке, пошептался с мамой, попрощался и сразу ушел. А вскоре, ввиду большого истощения, был направлен в госпиталь, так как от слабости не мог держать ружье.

По осени, в октябре-ноябре 1941 года, начались голод и заморозки. Мама с соседками ходили на совхозные поля села Мурзилки выкапывать кочерыжки, но их гоняла конная милиция. Здесь уже была прифронтовая полоса, а может, гоняли и по другим причинам. В комнате была поставлена печка-буржуйка, труба выведена в форточку. Чтобы ее топить, меня мама посылала в недостроенные дома собирать палки. Однажды на втором или третьем этаже я оступилась и провалилась между ступенями. Оказывается, одной ступени нет, а я этого не увидела, так как перед собой несла палки. На счастье, повисла на руках. Регулярно меня посылали выкупать хлеб по карточкам. Он был очень сырой, темный. Люди внимательно следили, как его взвешивают. Я, как подросток, получала иждивенческую карточку. На нее полагалось 125 грамм. Мама тоже получала иждивенческую, так как в тот период не работала, а сестра трех лет — детскую. На нее давали больше хлеба. В школе уроков не было, если не считать нескольких

Рисунок Капитонова Александра, 14 лет.

Рисунок Авдеевой Валерии, 10 лет.

занятий в подвале. К началу войны я окончила два класса. Зимой 41–42 годов не училась. Год был потерян. Однажды помню обстрел, мы с мамой спрятались в парадной, слышно, как где-то близко летит снаряд, совсем низко, а потом взрыв.

В нашем районе вдоль Невы было много заводов и фабрик, мельничный комбинат. Немец обстреливал наш район со стороны города Колпино. Голод начался как-то очень скоро. Уже в сентябре было очень голодно. А в декабре начались небывалые сильные морозы, температура опускалась до 30 градусов и ниже. Мама стала готовить нас и решила перебраться жить к дедушке в Центральный район Ленинграда подальше от передовой и фронта. Никакой городской транспорт (трамвай, троллейбусы, автобусы) в тот период не работали. Люди до работы ходили пешком. Были очень морозные дни декабря-января. Она нас тепло одела, взяла детские санки, и мы пошли пешком. Было начало дня. Мы вышли от завода Ломоносова, надо было пройти весь город до пл. Льва Толстого (теперь это метро "Петроградская").

Моей маме было всего тридцать лет, на руках двое детей: две дочери — я, десяти лет, и сестра трех лет. И вот трехлетний ребенок идет через весь город, не плачет, не скулит, на санки не садится категорически. У Финляндского ж/д моста зашли в аптеку погреться. Это было двухэтажное деревянное здание, в аптеке теплая печь. Надо отметить, что аптеки в городе работали. До конца пути было еще очень далеко. Так мы втроем шли целый день. Я и сейчас не представляю, как можно пройти пешком в мороз с трехлетним ребенком, без пищи, без поддержки от завода Ломоносова до пл. Льва Толстого. Сестра ведь была совсем кроха. Навстречу нам шли еле живые люди. Это страшно. Но нам повезло. У Александро-Невской Лавры нас встретила мамина родная сестра. Мы очень обрадовались. Теперь идти было надежней.

Тетушке было двадцать лет. Она работала на швейной фабрике, где шили обмундирование для фронта. Была на казарменном положении.

Шли вчетвером. Сестру, вероятно, иногда несли на руках. Прошли Старо-Невский, Литейный проспект, цирк, Марсово поле, Кировский мост, и вот мы на улице Чапыгина, д. 61, в доме, где жил дедушка. Дошли благополучно. Вошли в дом, как “деды морозы”, все в инее, лиц не видно, только глаза, но радостные, что все живы.

Дедушка работал дворником, жил в комнате полуподвала при кочегарке. Здесь собралась наша большая семья из семи человек: дедушка, бабушка, мама и родная сестра Нина, нас двое и моя двоюродная сестра семи лет из Вологодской области, которая приехала в гости в июне 1941 года и попала в блокаду. Нас, детей, на улицу не пускали, по городу пошли слухи, что дети пропадают. Рядом с кочегаркой был вход в бомбоубежище, туда спускались во время обстрелов жильцы с верхних этажей.

Радио работало постоянно, когда не было передач, включали метроном. Объявляли о начале и отбое воздушной тревоги. Я любила слушать радио. Из питания помню, как меня накормили кониной, и мне было плохо, а в другой раз ела лепешки из дуранды и тоже болела. Еще всю зиму ели соевое суфле, отруби, напиток от цинги из сосновых иголок. К весне моя младшая сестра тяжело болела цингой, ножки не ходили.

Зима 1941–1942 годов была самой тяжелой. Люди были очень слабы, и нечистоты выливали с верхних этажей

с лестничных площадок. За зиму это все замерзло. Весной объявили в городе сануборку во избежание инфекций.

Воду для обеда брали из проруби в Неве. Дедушка ездил с бочкой на санках. Я увязывалась за ним, чтобы побыть на улице. Видела эти грузовики, полные трупов. Особенно меня пугали вынесенные из квартир умершие люди. Гробов не было. Родственники зашивали или заворачивали в одеяло. Их собирали по квартирам и выносили во двор. Однажды выхожу во двор и вижу — стоит, прислоненный к стене. Я обомлела. Их возили целыми грузовиками на Серафимовское кладбище. Были они в любом виде: одетые и обнаженные.

Летом 1942 года стали открывать бани. А для спасения детей открыли группы двухразового питания для школьников. Я была приписана к школе на улице Бармалеевой (школа и сегодня работает). Опаздывать к обеду было нельзя, если опоздал, то обед не выдавали.

Всю зиму 1942 года меня с сестрой Симой посылали с бидончиком в столовую за обедом, который выдавали по талонам. А весной, как только пошла трава, меня обязали собирать траву. Собирали крапиву (ее почти не было), лебеду, мокрицу. Мама делала лепешки. Помню чечевичную кашу и картофельные очистки. Помню было еще теплое время года, меня послали навестить дядю на передовой. Военная часть стояла в районе ст. Шушары. С Петроградской добралась до Московского райисполкома, перешла по виадуку на другую сторону Московского района и пешком пошла в сторону Витебской ж/дороги. Меня часто останавливал военный

Рисунок Наговицкиной Дианы, 12 лет.

патруль, а чтобы не арестовали, мама и тетя дали мне мои метрики (свидетельство о рождении), где было написано, что я родилась в Ленинграде. Я благополучно нашла дядю Илюшу, солдаты меня накормили, радостно встретили. Как возвращалась не помню, но также пешком. Знаю только, что дядя погиб на фронте.

Еще, чтобы выжить, бабушка раскопала огород на заднем дворе. Картошку сажали, выращивали из очисток, растили турнепс. В городе народу было мало, освещения на улице не было, чтобы не наткнуться друг на друга, в темное время носили фосфорные брошки в виде “пяточка”. Они в темноте светятся.

В этот период была активная эвакуация населения. Я стала просить маму, чтобы она меня отправила в эвакуацию. Разве могла она догадаться, что я хочу покататься на поезде? Вот, какая наивная, не соображающая была я в тот момент. В итоге мы эвакуировались с сестрой поздней осенью 1942 года с коллективом детского сада, куда ходила моя сестра. Отправляли с Финляндского вокзала. Вагоны были товарные, в них сделали нары, нижние и верхние. Когда нас погрузили, маме пришлось пролезть под вагонами, чтобы еще раз нас увидеть. Тут я увидела ее слезы и расплакалась. Как же мне было стыдно! Ведь она не хотела нас отправлять.

Состав наш довели до Ладоги. Только мы вышли из вагонов, как начался налет, стали бомбить наш состав. Со страху я забралась под вагон, рядом стреляли зенитки. Управлялись с ними девушки. Было очень страшно. Слава богу, никто не погиб. Бомбы не долетели, была очень плохая нелетная погода.

Через какое-то время началась погрузка на суда. Я попала на катер. Немоощных и маленьких моряки несли на руках. Сидели в трюме, я была у окошка-иллюминатора. Видела через него только серые бурые волны у самого стекла. На наше счастье был большой шторм: нелетная погода, и немцы бомбить не могли. Нас мучала морская болезнь. Весь трюм, наша одежда были испачканы рвотой, мы еле держались на ногах. Сколько плыли не знаю. Причалили, не утонули, и это была большая земля.

Нас сразу накормили. А дальше был долгий путь до Сибири. Попали в Новосибирскую область, село Большое Ордынское. Был организован дом-интернат из детских садов разных районов Ленинграда. Дети были все ленинградцы и весь персонал. Было нас около двухсот человек. За все время ни один ребенок не умер. Я с благодарностью вспоминаю нашего доктора. Она принимала все меры, чтобы беречь нас от болезней. Мучили нас педикулез, чесотка. Не хватало питания, холодно, ходили в помещении в пальто, но учились в школе. В первую зиму не мылись в бане по три месяца. Но остались все живы. Работали на полях, собирали колоски для колхоза. Тогда весь хлеб был на вес золота. Жили по призыву “Все для фронта, все для победы!”. Радовались, как сумасшедшие, и было радостное возвращение в Ленинград. Нас все село провожало с музыкой. Спасибо всем сибирякам. Они встретили пирогами, жалели, помогли нам в трудные годы и по-доброму проводили.

Декабрь 2014 года».

Рисунок Примакиной Анны, 12 лет.

Воспоминания Цкирия Галины Ипполитовны (МИФНС России № 19 по Санкт-Петербургу)

«Я родилась в январе 1938 года, и, будучи четырехлетним ребенком, многое помню из того, что было во время блокады Ленинграда. Конечно, есть события, которые укрепились в памяти за счет рассказов дома, в семье, хроникальных фильмов, но есть и то, что буквально врезалось в детскую память.

Помню “коптилку”, которую экономно зажигали вечером, с ней читали, сестра, старше на 6 лет, пока действовала школа, делала уроки. Вечером окна плотно зашторивались, чтобы нигде из окон не проходил свет в случае налета самолетов. Вспоминаю часто, особенно когда бываю на даче, это печку-буржуйку (до сих пор не знаю, почему так называется).

Перед войной у всех было печное отопление. В подвале дома у каждой семьи был свой сарайчик, где держали дрова. И у нас были заготовлены дрова на зиму. Но помимо тепла в доме, надо было на чем-то готовить, кипятить. Керосинку заправить было нечем, в круглой печке не сготовишь. И вот у нас, как и у всех, как-то появилась “буржуйка”. Она быстро нагревалась, на ней быстро закипало, но она также быстро и остывала. Около нее тепло и даже жарко, если рядом стоишь, когда топится, но комнату не прогревала, а дров уходило много. Холода наступили рано, в ноябре уже встала Нева (покрылась льдом). Дома топили “буржуйку”, но при этом приходилось кутаться, чтобы не мерзнуть.

Жили мы во время блокады на Красной улице (ныне Галерная), причем от площади Труда в сторону завода “Судомех”. Дом другим флигелем выходил на набережную Невы. При таком местоположении район подвергался частым обстрелам. Мама ходила на дежурства на чердак дома гасить в песке фугаски и осколки. А я не оставалась дома и ходила всегда за ней, как говорят, хвостиком.

Однажды в одно из дежурств произошло событие, которые не могло не запомниться. Мы с мамой и еще одна женщина были на чердаке, как вдруг услышали грохот чего-то катящегося по крыше. Мама с женщиной спрятались за трубу, меня мама спрятала вообще в какой-то угол за ящик с песком, и все стали выжидать. Потом по крыше слышно было,

что покатился еще какой-то предмет, и стало очень тихо. И потом вдруг мы услышали возгласы во дворе: “Шпион, шпион! Поймали шпиона!”. Тогда мы вышли из своих укрытий, вернее, укромных мест, и из окна чердака (дом четырехэтажный) я увидела милиционера и с ним еще двое — мужчина и женщина с военными сумками через плечо — по двору вели мужчину со связанными за спиной руками. Это и был ШПИОН. Оказалось, он из ракетницы подавал сигнал, но, когда хотел уже уйти, оступился, поскользнулся на крыше. Это и был грохот, который мы слышали, а то, что катилось по крыше, была ракетница, выброшенная им, чтобы не было улик.

Поданный сигнал (ракетницу) засекли на улице на земле, подоспел вовремя милиционер с помощниками, и этого ракетчика-наводчика взяли на чердаке соседнего флигеля дома. Мама с напарницей, безусловно, услышав грохот на крыше, испугались, неизвестно что это может быть: что-то не разорвалось и катится или кто-то бежит по крыше и появится на чердаке, и неизвестно, сколько их и как будут развиваться события. Было очень страшно. Я не понимала происходящего, но мне было жутко сидеть в углу, куда спрятала меня мама.

Конечно, этот случай врезался мне в память не только своей детективной стороной, а и тем, что ШПИОН выглядел обычным человеком. Он был одет в гражданскую одежду, в обыкновенном пиджаке, кепке, он ничем не выделялся среди простых людей, это не монстр, но он ШПИОН. Факт его обыденного вида

навсегда мне врезался в сознание, которое, безусловно, было доведено мамой до понимания, что нельзя открывать дверь незнакомому человеку, пойти с незнакомыми и т. д. Главное, на человеке не написано, что он плохой, и даже шпионы, враги выглядят обычными людьми. Это понимание злободневно и в настоящее время.

Однажды мы были на площади Труда, попали под обстрел. Взрывной волной разорвавшегося снаряда меня отбросило в сторону. Мама меня нашла среди раненых и убитых. Тогда я получила контузию, некоторое время не слышала и очень стала бояться обстрелов, и плакала. Слух потом восстановился, но бояться и плакать я продолжала еще долго. Помню, как к нам приехал в гости дядя Коля — это друг семьи. Он был военным моряком. Корабль его разбомбили, он долго находился в ледяной воде, пока его чуть живого подобрали. В Ленинград он приехал из госпиталя к семье, но жена к этому времени умерла, а дочку с детским домом эвакуировали, и тогда он пришел к нам. Принес с собой продукты, я впервые узнала, что такое консервы. Конечно, мы все обрадовались ему, он был другом семьи, и я его помнила с довоенных лет, он играл со мной. Я обрадовалась еще и тому, что раз у нас гость, значит, будет праздничный стол. Но мама все гостинцы убрала и сказала, что есть можно только по чуть-чуть, иначе может быть заворот кишок, и мы сразу умрем. Дядя Коля сидел у нас, рассказывал о себе, расспрашивал, как мы живем. Стол мама накрыла, но скромно, и они долго с мамой разговаривали.

Рисунок Дорохова Кирилла, 10 лет.

Гость — это радость встречи, общения, а застолье по возможностям. Мама, действительно, добавляла по чуть-чуть к скудному пайку, растягивая подарок дяди Коли. Умеренность под страхом заворота кишков, наверное, тоже мне запала в сознание с детства на всю жизнь. Дядя Коля оставался другом семьи и после войны. Я согласна с теми, кто говорит о воспитании с детства. Иными словами можно сказать, что детская память не такая короткая: бывают события, которые укрепляются в памяти пониманием, воспитываются привычками. Пониманием или привычкой является чрезвычайно бережное отношение, в частности, к еде, наверное, у всех, кто познал голод.

Известны слова: “Есть только миг между прошлым и будущим. И этот миг называется жизнь”. Но для тех, кто познал войну, блокаду Ленинграда, детство осталось отдельной жизнью, “миг” наступил потом, сейчас. Низкий поклон нашим родителям, матерям. Они выстояли и нас воспитали.

Каждый год, когда вся страна отмечает праздник Великой Победы 9 мая, я невольно вспоминаю, что я приняла Победу значительно раньше, а именно: для меня победа наступила, когда я увидела идущую посередине проезжей части Красной (Галерной) улицы конвоируемую нестройную колонну военнопленных.

Прохожие молча смотрели. Я стала дергать маму за руку и требовать кричать: “Ура! Победа!”. Ведь сдались в плен, значит, они проиграли, а страна победила. Непонятно, почему все не кричат: “Ура!”.

Конечно, мне объяснили, что ведь сдались не все, что это не окончательная Победа. Я все поняла, но внутри где-то чувство наступившей Победы осталось. А уже потом — всеобщая Победа, общая радость со слезами на глазах, салют Победы.

Мой муж, тоже житель блокадного Ленинграда, родился в апреле

1932 года. Перед войной окончил первый класс, а во второй уже не пошел, так как школа, в которой он учился, была вывезена в эвакуацию. Родители не отпустили от себя сына, и остались все вместе в блокадном городе. Семья их состояла из трех человек: отец, мать и сын. Отец по состоянию здоровья не был призван на фронт, а был направлен в ПВО города. Жила их семья в большой двадцатипятикомнатной квартире на пятом этаже в угловом доме Звенигородской улицы и Загородного проспекта.

В том месте, где сейчас ТЮЗ и прилегающие площади, до войны находился ипподром. В первые же дни блокады ипподром сгорел. Постройки, трибуны из дерева горели по всей площади. Пламя огня поднималось высоко. По масштабу огня этот пожар был сравним с пожаром Бадаевских складов. Если учесть, что были пожары и в других близлежащих домах, то с высоты пятого этажа создавалось впечатление охвата огнем всего города.

Война семью застала на снимаемой даче под Ленинградом. Там все срочно бросили и вернулись домой. К началу блокады съестных запасов практически не было, приходилось жить только на том, что выдавалось по продовольственным карточкам. Самое большее, что удавалось приобрести, — столярный клей, из которого варили студень, и было немного горчичного порошка, который 2–3 дня вымачивали и пекли лепешки.

Дома было холодно. И хотя камин был переделан в печку, комната была слишком большой по метражу и кубатуре — высота потолка более 3,5 метров. Натопить до тепла было сложно. Имевшиеся перед войной дрова быстро закончились, в ход пошла мебель. Управдом разрешил переехать в пустующую квартиру на втором этаже соседней парадной этого же дома.

Рисунок Азаркова Виталия, 14 лет.

Рисунок Поздняковой Екатерины, 11 лет.

В этой квартире был отгорожен на кухне угол, где разрешено было семье жить. Этот переезд был значительным улучшением: во-первых, на второй этаж подниматься обессиленным людям легче, чем на пятый, во-вторых, кухонный угол обогревался “буржуйкой”, на которой готовилась еда, кипятилась вода, и она согревала маленькую площадь, где и спала семья, прижавшись друг к другу.

Однажды, когда 9-летний мальчик хотел выйти из дома, он столкнулся с тем, что не может открыть дверь парадной. Дверь массивная, но раньше он с ней справлялся, и тогда его охватил ужас и испуг безвыходности, запертости в доме. Когда позже ему помогли открыть дверь, он увидел, что под дверью сидел замерзший мужчина. Обессиленный человек, вероятно, сел под дверью, так и замерз, его тело и не давало возможности открыть дверь парадной. Этот случай привел в ужас ребенка, все же ребенка, хотя и 9-летнего. К этому добавилось увиденное на улице: завернутые трупы везли на санках. Временным моргом стал служить сгоревший ипподром. Сильнейшие морозы зимы 1941–1942 года спасли город от разложения трупов на улицах города, от эпидемий.

После случившегося испуга, холода на улице, отсутствия сверстников, мальчик старался не выходить из дома, наступило упадническое настроение, депрессия: все равно все умрем. Родители от голода обессилены, отец уже не вставал.

Как только появилась возможность всем вместе эвакуироваться, они поехали. Это был конец апреля 1942 года. Сборный пункт был на Витебском вокзале. Отца к сборному пункту везли с матерью на саночках. На поезде доехали до Ладоги и далее через Ладогу. Лед еще держался, хотя не знали, какой он толщины, чтобы выдержать машины.

Грузились на “полуторки”. Вниз на дно кузова клали вещи, а люди садились сверху на вещи. Так делалось специально на случай аварии, если машина будет проваливаться под лед, люди могли бы выпрыгивать или, в любом случае, оставаться сверху, чтобы вещи не мешали. Дверцы в кабине водителя либо снимались совсем, либо ехали с открытыми дверьми, чтобы можно было выскочить в сторону от уходящей под лед машины. Машины ехали по льду, но воды на льду было много. Вдоль ледяной трассы Дороги жизни стояли палатки на случай аварий, чтобы оказать помощь: выбраться из воды, обогреться и т. д. Но их машина, к счастью, пересекла Ладогу благополучно, даже с воздуха не обстреляли, но они видели машины, которые уходили под воду.

На земле распределяли всех по “теплушкам” (товарный вагон с нарами и “буржуйкой” посередине вагона). Так уехали в Новгородскую область в деревню, где можно было хоть капустные листья, картофельные очистки есть, а не клей. Постепенно, что называется, ожили, оправились от истощения, начали работать. Родителей взяли на службу в организацию, занимавшуюся восстановительными работами на железных дорогах в освобождаемых от оккупантов территориях. Так они всей семьей переезжали с места на место, менялись города, менялась школа буквально через 2–3 месяца. Но особой школой было знакомство с военной техникой как советской, так и немецкой, знакомство со сверстниками и, особенно с ребятами старшего возраста, опробование оружия и прочее опасное, но интересное для мальчишек. Но это другая история.

В конце войны доехали до города Риги. А в августе 1945 года вернулись в Ленинград в свою комнату на пятом этаже с текущей крышей, но с целым камином».

Воспоминания Осипова Геннадия Викторовича (МИФНС России № 19 по Санкт-Петербургу)

«Личных воспоминаний о блокаде Ленинграда по малолетству у меня не осталось. Мои многочисленные родственники рассказывали, что перед бомбежкой я, тогда двухлеток, громко голосил “у-у-у”, и только потом, минут через 20, по радио объявляли “Внимание, воздушная тревога”. Меня убеждают по сей день, что это происходило неоднократно, но за всю последующую жизнь никаких подобных способностей за мной не наблюдалось.

Моя старшая сестра, Толстова Юлия Павловна, работала в блокаду медсестрой в госпитале № 165. Водопровод и канализация не функционировали, и обессиленные санитарки все отходы из-под раненых выливали в дальнее окно в торце коридора. При сорокоградусном морозе ледяная гора выросла за зиму до второго этажа. А трупы умерших складывали штабелем до вывоза на Пискаревское кладбище, что тоже было делом далеко не простым. Однажды моя сестра прямо у операционного стола упала в обморок от дистрофии. У моей мамы, Осиповой Паулины Александровны, от голода были такие отеки, что она не могла надеть свою одежду и обувь.

27 июля 1942 года госпиталь получил приказ на эвакуацию; разрешалось вывезти с собой и родных. Под бомбежкой на небольшом суденышке пересекли Ладогу и выгружались в Кобоне, на наспех сколоченную пристань. Штормило, и по мосткам перейти было невозможно. Взрослые перепрыгивали с борта на пристань сами, а малых детей матросы перекидывали на берег из рук в руки.

После эвакуации в Алтайский край, в 1944 году мы вернулись в Ленинград. Еще шла война. Помню, как с большим удивлением я наблюдал, что всего четыре “военных дяденьки” несут огромный аэростат — воздушный заградитель. На улицах — большое количество открытых люков. Помню разрушенный дом на углу Невского и Марата, развалины на улице Некрасова. В доме моей тети на Петроградской набережной на стене лестничной клетки была дыра диаметром около 1 метра, заделанная наспех кирпичом. Это след снаряда, который прошел сквозь крышу, несколько стен и перекрытия старинного дома и взорвался только в подвале. К несчастью, там была “межрейсовая база отдыха подводников”.

А как забыть огромное количество калек — безруких, безногих, на костылях, на самодельных тележках, поставленных на подшипники; обожженные лица без ушей, без ноздрей, без век? Вскоре после войны их под благовидным предлогом выселили на Валаам. Многие “ушли” сами, от водки или самоубийства.

Потом была ночь с 8 на 9 мая 1945 года — мама разбудила меня вся в слезах, даже не объятиями, а тисканьем. Все жители нашего дома выходили по темной лестнице, обнимались, кричали радостно, плакали. И на улице в полутемноте скорого рассвета — объятия, танцы, отдельные редкие выстрелы. Победа!!!

Мой отец, Осипов Виктор Георгиевич, как народный ополченец, в составе 80-й стрелковой дивизии погиб в декабре 1941 года на тонком ладожском льду при неподготовленной попытке прорыва блокады Ленинграда в районе известного “бутылочного горлышка” немцев».

Воспоминания Сидорчук (Перминовой) Тамары Николаевны (Управление ФНС России по Санкт-Петербургу)

«Великая Отечественная война началась через 4 года после моего рождения. 22 июня 1941 года жители Кронштадта проснулись от страшной канонады. Снаряды летели через весь город с бортов военных кораблей в сторону соседней Финляндии. “Военные маневры”, — говорили горожане. Было это в 5 часов утра, а в 10 часов все узнали, что началась война. Сразу была объявлена мобилизация.

Отец, Перминов Николай Никонорович, 1911 года рождения, место рождения: Вохомский р-н, Северного края, д. I Дудинская, Соловецкий сельсовет (ныне Вологодская обл.). В июле 1941 года был призван в Армию Кронштадским райвоенкоматом в звании старшего командира стрелкового полка. Уже через 3 месяца, в ноябре 1941 года, погиб в боях под Ленинградом (пропал без вести). Включен в “Книгу памяти” Ленинграда, том 4. Где он погиб, так и неизвестно.

Моя мама, Зайцева (Перминова) Антонина Васильевна (1918-1986 годы), все 900 дней блокады Ленинграда вместе со мной прожила в Кронштадте. Работала в Кронштадтском родильном доме в должности сестры-хозяйки.

Награждена медалью “За оборону Ленинграда”, медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.”.

Дни войны и блокады запомнились мне как страшное, голодное и холодное время. Самой тяжелой была зима 1941-1942 годов, когда в прекрасные солнечные дни от разрывов снарядов дрожали стены,дребезжали оконные стекла, заклеенные бумагой крест-накрест, визг летящих бомб и самолетов. О налетах предупреждали по радио, которое никогда не выключалось. Объявлялась не только воздушная тревога, но иногда химическая тревога. В подъездах домов были установлены звуковые сирены. Все бежали в бомбоубежище или на нижние этажи или подвалы домов.

Мы жили на пятом этаже по адресу: улица Высокая, дом 5, в мансарде, под крышей с покатыми стенами. Дом высокий, остался до сих пор стоять, а рядом более низкие дома были уничтожены бомбами.

Бомбежки были такими частыми, что мы с мамой не успевали с пятого этажа спуститься вниз, а сидели, обнявшись, со словами “умирать так вместе”.

Что мы ели я не помню, только помню, как я постоянно просила у мамы есть, дергая ее за подол. Хлеб по карточкам давали по 125 грамм на человека. Помню, что свою долю я сама делила на 3 части (завтрак, обед, ужин) и съедала все крошки на столе.

В булочных стояли старушки с протянутой рукой. Но что можно было положить в эту руку? Деньги цены не имели, а лишнего хлеба ни у кого не было. В городе постепенно съели всех кошек, собак и голубей. Пропадали также люди, ходили слухи о людоедстве.

Горожане работали на предприятиях и на общественных работах; дежурили на крышах, скидывая зажигательные бомбы; во дворах стояли ящики с песком, где зажималки гасили, чтобы не возник пожар.

Остров Котлин небольшой, всего 2 км на 9 км. Мама рассказывала, что их посылали копать траншеи на кладбище. Во время бомбежек люди прятались в этих траншеях и склепах. Маме было в то время всего 23 года.

В родильном доме, где мама работала, все помещения, кроме родильного, были заполнены больными и ранеными, лежали даже на полу. Иногда люди умирали от ран. А на втором этаже в это время рождалась новая жизнь.

Какое-то время я находилась в круглосуточном детском саду. Детей было очень много. Если во время прогулок объявлялась воздушная тревога, мы укрывались в помещении Владимирской церкви, которая пострадала, но осталась цела. Потом там был устроен склад картофеля.

Ныне так же, как и Морской Собор, где долгое время находился кинотеатр им. Горького и проходили театральные представления Ленинградских театров, Владимирская церковь восстановлена, и в ней проводятся церковные службы.

Рисунок Поморцевой Анастасии, 12 лет.

Рисунок Порфиловой Янины, 15 лет.

Во время блокады не работал водопровод, не было электроэнергии и тепла. Как известно, водопроводная вода в городе долгое время поступала из Финского залива и была соленая, особенно во время штормов, так как нижние слои воды смешивались с верхними. В настоящее время под водой залива проведен водопровод с пресной водой из Гостилиц. Во время блокады за водой приходилось ходить на Петровские каналы. Топили печки-буржуйки с трубой, проведенной через окно.

До войны в городе было много двух- и трехэтажных деревянных домов. Разрушенные дома после бомбежек шли на отопление. Иногда жгли мебель.

Запомнилось также, что местные рыбаки-любители, рискуя своей жизнью, ловили мелкую рыбу-колючку и продавали на рынке. Эту рыбу мы мололи вместе с костями и колючками на котлеты, топили рыбий жир, который использовался для освещения.

Благодаря Ладожской Дороге жизни постепенно увеличивались нормы выдачи хлеба. Весной 1942 года начали сажать овощи, выделялись огороды.

В 1942 году меня ранило осколком в руку. Запомнились бессонные ночи, ежедневные перевязки, бинты врачи размачивали и отрывали от раны, что приносило страдания. Так как рука не поддавалась лечению, начался туберкулез кости, поэтому было решено ее ампутировать. Во время войны это было в порядке вещей. Мама обратилась в Кронштадтский Военно-морской госпиталь, где удалось спасти руку. Спасибо военным хирургам.

В 1944 году я пошла учиться в 436-ю женскую среднюю школу. Мальчики тогда учились отдельно. В 1943 году бомбежки еще продолжались.

Большую роль в моей жизни сыграл мой отчим, Зайцев Константин Васильевич (1909-1986 годы), который вошел в нашу семью в 1942 году. Участник Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. До войны служил на подводных лодках ПЛ “Народоволец” и ПЛ-155 в боевом составе. Принимал участие в Финской войне, а также в боях под Ленинградом. Член КПСС с 1947 года. Служил сверхсрочно в военных частях Кронштадта, выслуга лет военной службы — 37 лет. Имеет правительственные награды: Орден Красного Знамени. В 1951 году ушел на пенсию по болезни в звании мичмана.

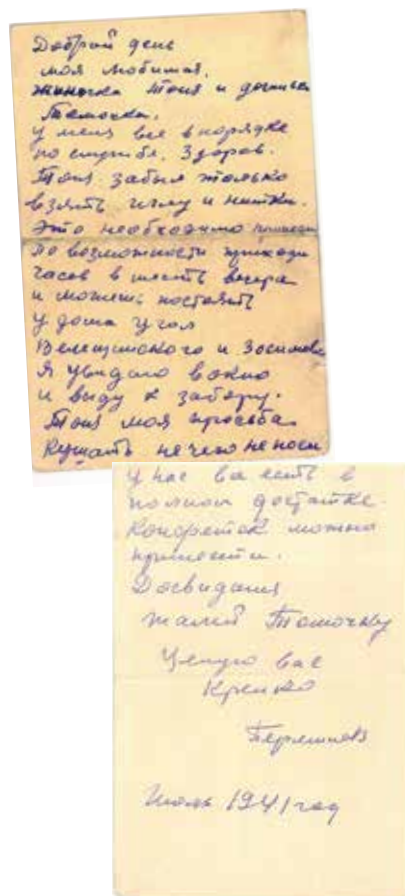
После окончания 7 классов средней школы в 1951 году я поступила в Ленинградский финансово-кредитный техникум, который окончила в 1954 году по специальности “денежное обращение и кредит”. Была направлена на работу в Ярославскую область.

С августа 1954 года по август 1957 года работала в Курбском отделении Госбанка кредитным инспектором, заведующей кредитной группой. Мне было тогда 17 лет. Приходилось ходить пешком по 10-30 км по колхозам, совхозам и МТС с проверками кассовой дисциплины, занималась кредитованием с/х и государственных предприятий.

Снимала жилье у чужих людей. В то время не было еще в домах электроэнергии, освещения на улицах, асфальтированных дорог, общественной бани. Хлеб в магазинах продавался по 500 грамм на человека. Покупала картошку и другие овощи, мясо, молоко у частных. В магазинах не было ничего, кроме ржавой селедки и шоколадных конфет. Питалась в столовой, продукты в основном мне высылали мама из Кронштадта. В командировках питалась только хлебом с молоком.

Рисунок Крыловой Оирены, 17 лет.

В Ярославской области в то время народ жил очень бедно. Колхозникам не выдавали паспорта, чтобы не уехали в город. Зарплата выплачивалась по трудодням и очень мало.

Сельское хозяйство было в полном упадке. Для улучшения положения в стране было объявлено движение по укреплению кадров в сельском хозяйстве. На село были направлены на работу председатели колхозов — шестидесятники-коммунисты, энергичные грамотные специалисты. Были и перегибы.

В Ярославской области сеяли лен и кукурузу (квадратно-гнездовым способом), которые никак не хотели там расти по природным условиям. Вся молодежь в нашем селе Курба (поместье князя Курбского) была привлечена Райкомом комсомола для участия в общественных работах.

Я, как и все другие комсомольцы, работала на уборке урожая картофеля и овощей, утаптывала кукурузу в силосной башне, заготавливала березовые веники для корма скота, обследовала состояние ферм для скота, проводила подписку на госзаймы среди колхозников, принимала участие в художественной самодеятельности, выезжала на поля агитбригадами с концертами, выступала в Клубе для жителей поселка, выезжала также в другие районы Ярославской области.

В 1957 году, в связи с укрупнением районов и ликвидацией Курбанского района, уехала обратно в Кронштадт. Работы по моей специальности в городе не было. В 1957-1964 годы работала бухгалтером в 179-й школе рабочей молодежи, затем на Кронштадском Морском заводе. В 1964 году уехала с мужем в Ленинград, до конца 1970 года работала в Московском райфинотделе Ленинграда инспектором по госдоходам, старшим экономистом госдоходов.

В период 1971-1977 годы работала начальником Финансового управления Объединения “Леноблмясупром”. Одновременно в 1973 году окончила заочное отделение Ленинградского финансово-экономического института им. Н.А. Вознесенского по специальности “финансы и кредит”.

Работа в Объединении “Леноблмясупром” позволила мне получить огромный опыт работы в финансовой системе Ленинграда. С июня 1977 года я перешла на работу в Финансовое Управление Исполкома Пушкинского райсовета Ленинграда на должность начальника отдела госдоходов, заместителя начальника Управления. В 1990 году проведена реорганизация финансовой системы Ленинграда и создана налоговая инспекция.

С ноября 1990 года я была переведена в Городскую налоговую инспекцию, ныне Управление Министерства РФ по налогам и сборам по Санкт-Петербургу, на должность Главного государственного налогового инспектора отдела налога на прибыль предприятий. Два последних года работала старшим налоговым инспектором.

С февраля 2000 года — на государственной пенсии. Награждена медалью “Ветеран труда”, знаком “Житель блокадного Ленинграда” и четырьмя юбилейными медалями.

Муж, Сидорчук Юрий Борисович, — работник автотранспорта.

Сын, Сидорчук Олег Юрьевич, — психолог».

Рисунок Якуша Анастасии, 6 лет.

Рисунок Юмаева Леонида, 9 лет.

Кутузов Михаил Константинович
работал с 06.04.1995 по 08.08.2008 года
сантехником в МИФНС России № 21
по Санкт-Петербургу.

Михаил Константинович жил и
воспитывался в детском доме в Томске с
мая 1942 года по ноябрь 1945 года.

Дядя Доброй ночи или вечер у
раба, дядя. Дядя я пишу
хорошо, а ты как не пишешь.
Дядя, мы десятилетия прожили
на даче. Дядя пришел, мы
имею выдана тогда, а не тогда
пришел. Дядя как-то не
был дома. Дядя завтра, мы
кончили и уйдешь год. Дядя
ушел во 2 классе. Дядя не
был где-то в Восточной Азии, про
мать, дядя, дядя. Дядя, Дядя
дядя, дядя. Дядя, Дядя.
Дядя, Дядя.

Письмо Михаила из детского дома своей сестре Леле,
которая служила под Москвой в действующей армии радисткой.

Воспоминания Смирновой Валентины Александровны (МИФНС России № 17 по Санкт-Петербургу)

«Я, Смирнова Валентина Александровна, родилась до войны в 1937 году в июле месяце. Мама, Кононова Зоя Ивановна, 1913 года рождения, папа, Кононов Александр Иванович, 1912 года рождения. До войны я с родителями проживала в районе Московского проспекта, раньше он назывался Международный, потом проспект им. Сталина, за ДК им. Ильича недалеко от завода “Электросила”. Жили в двухэтажном деревянном бараке на втором этаже. Бабушка, Кононова Анна Никитична, жила тоже на втором этаже, но в другом конце длинного коридора. Помню, у нее на окне в горшках росли цветы: фуксия и иван-да-марья. А у нас в комнате рос фикус, в то время почти у всех в комнатах росли эти цветы. В нашей комнате напротив дверей стояла кровать, а за ней поперек кровати лежала моя родная сестренка Женечка, у нее была болезнь водянка. Она прожила всего восемь месяцев. Мы с мамой похоронили ее на Красненьком кладбище на детском участке, документов никаких не давали. Я помню, что, когда мы смотрели с кладбища в сторону Московского проспекта, здание Исполкома хорошо было видно, так как не было перед ним никаких строений. Папа меня очень любил, качал на качелях.

Удивляет меня то, что помню не все. Но отлично помню, как мы с мамой бежали вдоль колонны солдат, мама плакала, все кричали, бежали в пыли от сапог солдатских, они шли очень быстро рядами, а мы бежали, бежали, кричали, плакали, а папу я не видела. Они шли очень быстро, сапоги гремели, шинели были скручены за спиной. Потом память обрывается и вспоминаю другое. Я сидела на крылечке, погода была солнечная, и вдруг послышался рокот. В начале не поняли, что это происходит. Но вдруг низко, прямо перед глазами, появился самолет. Я видела, что летели какие-то бумажки. Кто-то кричал: “не поднимать листовки — это провокация немецкая”. Но кто-то под страхом смерти все-таки поднял и прочитал.

Еще забыла написать, что во время войны мою сестренку Галю украли, увела женщина. Мама бросилась ее искать, люди подсказали, что видели женщину с ребенком и куда она увела ее. Мама сумела ее найти и отобрать своего ребенка. Всем было понятно, с какой целью воруют детей.

Рисунок Кутузовой Ксении, 17 лет.

Во время войны нас хотели украсть две женщины, мама их видела, нас предупреждала, чтобы мы не подходили к окнам. Они выманивали нас, уговаривали открыть окно, мы от них прятались вовнутрь комнаты или под кровать, чтобы они нас не видели. Долгое время они ходили каждый день, стучали в окно. Потом перестали ходить, мама сказала, что они, наверное, умерли от голода.

У нас были большие санки. Мама зимой где-то достала дрова, уложила на санки, но тащить их сил не было. Дорога обледенела, сани по льду крутились по кругу и не ехали по дороге, но все-таки она не бросила дрова, притащила, руки болели, ныли. Мама говорила, что она почти теряла сознание, но все равно тащила сани с дровами домой. Надо было истопить печь, чтобы не замерзнуть, она знала, что ее ждут дома дети, и кроме нее никто не поможет. Вот так наши мамы боролись за жизнь. Она хотела пойти с папой на войну, упрашивала бабушку посидеть дома с детьми. Она очень любила папу, боялась, что его убьют на фронте, но понимала, что дети маленькие и нуждаются в ней и, конечно, их нельзя оставлять.

Однажды мама пришла домой и сказала страшную весть, что немцы взорвали склады, они были нашей надеждой, и что теперь будет, как дальше жить. Но продолжали как-то жить.

Помню, или в конце войны, или сразу после нее, нам давали бесплатно бульон. Помню, большая площадь, на ней много народа, очередь за бульоном, а может и кашу давали».

Воспоминания Пальмского Леонида Анатольевича (Управление ФНС России по Санкт-Петербургу)

«Хочу рассказать об одном эпизоде, случившемся с нашей семьей во время Ленинградской блокады. В это время я жил с мамой и сестрой на Литейном проспекте, где родился в апреле 1940 года. Отец был на фронте, мама работала в госпитале, со мной нянчилась сестра, которой было 11 лет. Как известно, был страшный голод, холод, не было электричества, дров, воды и т. д., зимой за водой ездили на санках на Неву, брали из проруби.

Где-то весной 1942 года несколько дней не выдавали положенные суточные порции блокадного хлеба — нам с сестрой по 125 грамм, маме немного больше, а затем карточки отоварили за все дни. Сестра принесла этот хлеб домой и положила на стол, где я сидел на стуле, закутанный от холода в разные сохранившиеся одежды. Сестра должна была сходить к маме на работу (госпиталь был недалеко), а я остался в комнате один и из дырок в авоське вытащил и съел весь хлеб. После голодных дней съесть такую порцию сырого блокадного хлеба (в котором были намешаны всевозможные полусъедобные добавки) было небезопасно даже для взрослого человека. Мало того, что мама с сестрой остались без хлеба, они решили, что мой организм не справится с такой нагрузкой со всеми вытекающими последствиями. Однако, я каким-то чудом выжил...

Слава богу, моя семья вышла из блокады живой (к сожалению, сестра — с открытой формой туберкулеза легких), отец вернулся с фронта в начале 1946 года.

Хорошо запомнил день 9 мая 1945 года — День Победы. По репродуктору раздавались праздничные марши, вокруг разливалась атмосфера свободы и радости; я ходил по длинному коридору нашей коммунальной квартиры и был счастлив и горд, радовался вместе со всеми Победе над врагом!».

Воспоминания Петровой Любовь Борисовны (Управление ФНС России по Санкт-Петербургу)

«Я родилась в Ленинграде 15 июня 1941 года, и, когда объявили войну в следующее воскресенье, 22 июня, мы с мамой были еще в роддоме. Никто тогда не думал, что война продлится так долго, что немцы дойдут до Ленинграда, поэтому мама не рискнула уезжать из города с таким маленьким ребенком. К сожалению, их надежды не оправдались. Когда объявили блокаду Ленинграда, нас в комнате оказалось трое: мама, Ковалева Раиса Мироновна, я и мой дед, отец отца, Ковалев Исаак Миронович.

Мой отец, Ковалев Борис Исакович, был летчик-испытатель. До войны он летал и работал в Ленинграде на комендантском аэродроме, но перед самой войной по состоянию здоровья летать ему запретили, и он остался служить на аэродроме, и во время войны также, в качестве инженера по обслуживанию самолетов. Мы жили в Новой деревне, это недалеко от аэродрома, поэтому папа часто приходил навещать нас.

Бабушка, Ковалева Варвара Яковлевна, умерла перед самой войной, 6 июня 1941 года. Дед работал на заводе на Васильевском острове электриком и каждый день ходил пешком на работу у Новой деревни. Дорога была не близкой, а свой рабочий паек он приносил маме, которая, естественно, не работала, так как кормила меня грудью. 21 января 1941 года дед лег спать, и утром не проснулся. Он умер от голода и переутомления. Пришел папа, погрузил его на саночки и отвез на Серафимовское кладбище. Мы остались вдвоем с мамой. Иногда приходил папа. Вот эпизод из его воспоминаний: “Сиж в землянке на аэродроме вечером, сердце очень заныло, думаю, что-то неладное дома, решил пойти проведать вас, только отошел от землянки метров 100, начался обстрел, и бомба попала прямо в землянку. Вот так сердце подсказало, что надо выйти, чтобы не погибнуть”.

В апреле 1942 года, когда прорвали кольцо блокады, родители все-таки решили вывести меня из города, так как кормить было нечем, я и мама были очень слабые, отцу разрешили отправить семью по Дороге жизни. Вот рассказ папы: “Я провожал вас до Ладожского озера, откуда посадил на “полуторку”.

Мама села, я у нее на руках и сумка с документами, а сумка с вещами в ногах. Двери “полуторки” закрывать было нельзя, так как машина могла провалиться в полынью, ведь уже весна, и лед подтаивал. Если машина проваливалась, надо было выпрыгивать, тогда можно было спастись. Папа рассказывал дальше, что формировались колонны из трех машин, и каждой машине присваивался номер. Встречные машины с продуктами, достигая берега, выкрикивали номер тех машин, которые достигли противоположного берега. Папа дождался, услышал наш номер и только тогда покинул берег. А предыдущая машина утонула. Вот так я оказалась вне блокады. Из рассказа мамы: “Мы ехали по ухабистому, ледовому полю, машину очень трясло, она постоянно попадала в проталины. В одном месте особенно трянуло, и сумка с документами и деньгами выпала из машины”.

В сумке с вещами оказался инструмент, мама была парикмахер. И благодаря этому она смогла работать, мы выжили и добрались до Алма-Аты, где обосновались до 1944 года. Как только сняли блокаду, мама со мной вернулась в Ленинград, в свой старый дом, который, к счастью, не разбомбили.

Это все, что я знаю о блокаде со слов мамы, но вот 1945 год, вкусную дуранду (так назывался подслащенный жмых из отходов семечек), чай “вприглядку” с кусочком сахара я очень хорошо запомнила сама».

Рисунок Першина Дениса, 16 лет.

Воспоминания о Скобелевой Антонине Васильевне
(мама Аксеновой Елены Дмитриевны,
МИФНС России № 4 по Санкт-Петербургу)

«Скобелева Антонина Васильевна родилась 21 января 1916 года в деревне Кочевино Тверской области. Ее отец, Скобелев Василий Петрович, в царское время занимался сплавом леса в Сибири. В 1918 году вступил в партию большевиков. В революционном Петрограде присутствовал на митинге на Финляндском вокзале, где видел и слышал В. И. Ленина.

Мать Антонины умерла в 1929 году, оставив троих детей. Когда Тоне было 13 лет, ей пришлось взять на себя все женские обязанности по дому и уходу за двумя братьями — Василием и Александром. Александр умер в 20 лет.

В 1930 году Антонина с семьей переехала в Ленинград. Окончила профессиональное училище по специальности печатник, работала во многих типографиях, в том числе «Вечерний Ленинград».

Отец Антонины и ее брат Василий с женой и сыном жили в городе Павловске, в ведомственном доме. Антонина часто гостила у них.

22 июня 1941 года началась война. 7 сентября 1941 года Антонина уехала из Павловска в Ленинград, как позже оказалось, на последней электричке. В тот же день железную дорогу разбомбили. 8 сентября немцы заняли Павловск.

Во дворе дома, где жили отец и брат Антонины, немцы поставили дальнобойные орудия, которые стреляли по Ленинграду. Многих жителей Павловска угнали в Латвию, в том числе в 1944 году туда забрали и семью Антонины. Брат Василий в первые же дни войны ушел на фронт добровольцем, впоследствии пропал без вести.

Антонина попала в блокадный Ленинград. Работала на заводе, получала продуктовые карточки. Тяжелой зимой 1941 года погибло очень много мужчин, и в мае 1942 года Антонина пошла добровольцем в армию. Служила стройармейцем, была командиром взвода. Руководила строительством военных укреплений: дотов, дзотов, восстановлением разрушенных железных дорог...

Рисунок Лугиной Дарьи, 14 лет.

Ее военная часть Ленинградского фронта входила в состав Действующей Армии. В 1944-45 годах Антонина занималась разминированием минных полей под Ленинградом, оставленных фашистами.

Демобилизована в июне 1945 года после окончательной победы над фашистской Германией. Антонина Васильевна награждена медалью “За оборону Ленинграда”. После войны жила в Павловске в доме, откуда немцы угнали ее отца и жену брата с племянником. Работала печатником высокой печати в типографии города Павловска. Была народным заседателем в суде. В 1955 году у нее родилась дочь Елена. Умерла Антонина Васильевна в 1984 году, так как ее здоровье было сильно подорвано в военные годы.

Мы помним и любим нашу маму и бабушку и гордимся ей. В память о ней был назван Антон, ее правнук».

Воспоминания Луньковой Ольги Ивановне об отце (МИФНС России №4 по Санкт-Петербургу)

«Мой отец, Луньков Иван Васильевич, был призван на службу в Советскую Армию в 1938 году из деревни Толстово Пензенской области. Служил на Балтийском флоте в морской пехоте сначала рядовым, но после участия в Финской кампании 1939-1940 годов окончил военное училище. Когда началась Отечественная война, папа командовал взводом связи. Воевал в Кронштадте, устанавливал телефонную связь с Ораниенбаумским пятячком. Ходил туда неоднократно, был два раза ранен. Первый раз наступил на мину, чудом остался жив, а второй раз попал в него осколок снаряда. И всегда отец после ранения возвращался в свою часть.

Моя мама, Зиновьева Мария Ивановна, приехала в Ленинград с родителями и двумя братьями в 1929 году. Жили в Лахте. Дед, Зиновьев Иван Васильевич, был портным, бабушка, Пелагея Алексеевна, работала стрелочницей на железной дороге. Мама после школы пошла работать билетным кассиром на станцию Ланская. Два ее брата — Николай и Борис — были еще подростками.

В первую же блокадную зиму в феврале месяце дедушка Ваня умер, бабушка не хоронила его и держала в дровяном сарае еще целый месяц, чтобы получить на него продовольственные карточки, потом его похоронили в братской могиле на Лахтенском кладбище.

Братья мамы, когда сошел лед на Ладоге, были эвакуированы вместе с ремесленным училищем на Большую землю. Им повезло, из трех барж доплыла до Большой земли только одна, где они находились, две другие разбомбила немецкая авиация. Была потоплена баржа, на которой были все документы эвакуируемых, поэтому после войны было сложно восстановить документы, доказывающие, что первую блокадную зиму братья провели в Ленинграде. Мама с бабушкой остались в блокадном Ленинграде вдвоем.

Мама говорила, что самым страшным был холод, голод уже не замечали, просто с каждым днем слабели и слабели. Перед войной бабушку из Лахты перевели работать на станцию Пискаревка. Правду говорят: что ни делается, все к лучшему. Так как станция Пискаревка относилась к Дороге жизни, по которой шло продовольствие в город, то ее работников старались поддерживать, поэтому, как повезло бабушке, в июле 1942 года ее вывезли по Ладоге на Большую Землю и дальше в санаторий в Подмоскowie. Но до санатория из 300 человек доехало чуть больше 90. Перед дорогой каждому выдали по буханке хлеба, и многие не смогли удержаться, чтобы не съесть сразу весь этот хлеб, это их и погубило.

В санатории главный врач сразу предложил всем, кто может, выползать в лес за ягодами. Там было море земляники, моя бабушка до обеда лежа собирала и ела землянику сама, а после обеда собирала и потом продавала ее тем, кто не мог дойти до леса. Таким образом, к концу срока восстановила силы и на скопленные деньги купила муки, крупы, сахара.

Когда она вернулась домой, то мама моя уже несколько дней не вставала, ноги ее опухли, она тихо лежала и ждала смерти. Первым делом, бабушка взяла маленькую ложечку муки, размешала ее с водой и дала маме и таким образом осторожно, постепенно возвращала ее к жизни. Низкий поклон ей за это. Познакомились мои родители зимой 1943 года, когда молодой лейтенант (мой отец) зашел в зал ожидания на станции Ланская, где и увидел молоденькую, худенькую девушку, которая ему приглянулась. Конец войны мой папа встретил на Балтике, но служба его не закончилась. Его послали в самую южную точку нашей страны — Кушку на реке Аракс, туда к нему приехала моя мама в 1948 году, там они и поженились. Потом его перевели в город Орджоникидзе СО АССР, сейчас ему вернули историческое название Владикавказ.

Там я и родилась. Но время оставалось беспокойное — шла война между Северной и Южной Кореей, и отца направили в Китай, поближе к нашим корейским друзьям. Туда мы с мамой поехали тоже. Прожили в Китае 4 года.

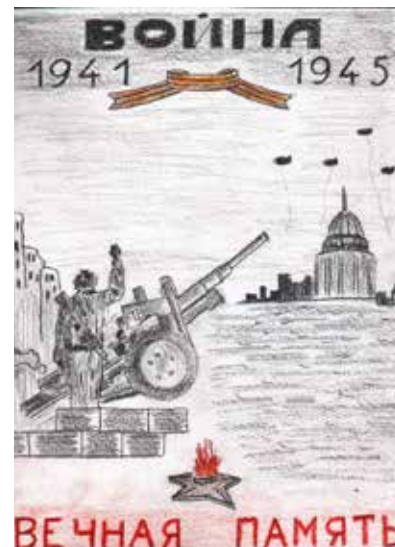

Рисунок Савануло Ильи, 12 лет.

Подходило время для моего школьного образования, и было решено, что папа уйдет в отставку. Мы вернулись в Ленинград. За свою службу папа был награжден двумя орденами “Красной звезды”, двумя медалями “За боевые заслуги”, медалью “Победа над Германией”, “За оборону Ленинграда”, памятными медалями. После за успехи в труде был награжден орденом “Трудового Красного Знамени”. Бабушка и мама тоже были награждены медалями “За оборону Ленинграда”. Папы не стало в 1980 году, бабушки — в 1985-м, мамы — в 1991 году.

Родители всегда говорили, что во время войны никогда не сомневались, что победа придет. Они жили этой верой. И она пришла. В нашей семье 9 мая был двойным праздником – у мамы был день рождения. Особо значимыми днями всегда были 18 января – день прорыва блокады, после которого в город пошли продукты, 27 января — день полного снятия блокады и 9 мая. Я благодарна моим родителям, что они воспитали во мне уважительное отношение к хлебу, память о блокаде, память о тех, кто не дожил до этого светлого дня и особо трепетное отношение к живым ветеранам».

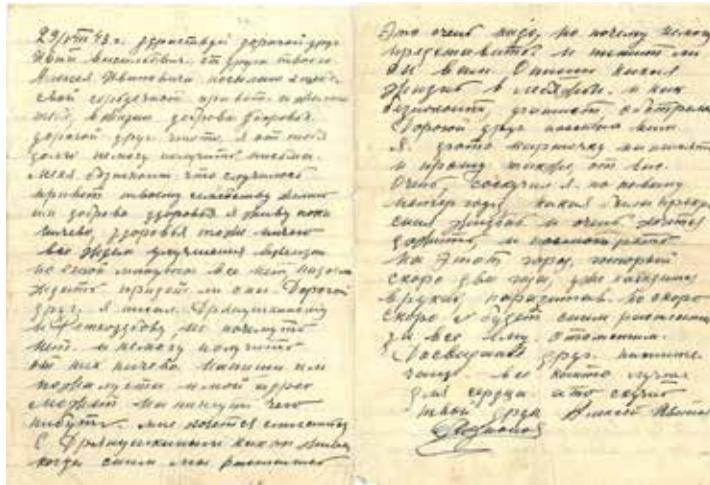

Рисунок Широковой Анастасии, 12 лет.

Рисунок Прокошева Дмитрия, 12 лет.

Документы и фотографии Балакшина Владимира Ивановича (Управление ФНС Росси по Санкт-Петербургу)

Письмо с фронта отцу от друга: «...Хочется дожить и посмотреть на этот город, который скоро два года уже находится в руках паразитов. Но скоро-скоро будет расплата за все ему. Отомстим...»

Командировочное предписание отцу на посещение семьи на два дня с 18.03.1944 по 19.03.1944 года

Воспоминания о Чижовой Людмиле Леонидовне
(мама Орловой Светланы Владимировны,
сотрудник Управления ФНС России по Санкт-Петербургу)

«Моя мама родилась 20 февраля 1936 года в городе Ленинграде. В 1941 году, когда началась Великая Отечественная война, маленькой Людочке было всего 5 лет. Блокада города была в ее судьбе одной из самых страшных страниц.

Моя мама и бабушка во время войны были в городе и, когда началась блокада, не успели эвакуироваться. Мой дедушка с первых дней войны ушел на фронт. Участвовал в освобождении Польши, Венгрии, Чехословакии, имеет множество наград, в том числе медаль “За отвагу”. Все награды хранятся в нашей семье как реликвия.

Пока дедушка сражался с врагами на фронте, моя мамочка и бабушка боролись за жизнь в блокадном Ленинграде. Не найти слов и не описать все, что пережили маленькие жители того военного и страшного времени, если это самим не пережить и не перенести голод и холод.

В самое страшное голодное и холодное время у моей бабушки украли продовольственные карточки. Для того времени — это была смерть.

По воспоминаниям моей бабушки, она от отчаяния хотела уксусной эссенцией отравить мою маму и себя, чтобы не испытывать мучительные страдания от того, что твой ребенок постоянно голодный. И это бы произошло, если бы не соседка Мария Бендер. У нее у самой было двое детей, но она, узнав, что у бабушки украли карточки, каждый день приходила и подкармливала бабушку и маму из котелка, в котором был разведен концентрат пшенной каши.

Бабушка рассказывала, что Людочка говорила ей: “Мамочка, я очень хочу кушать, но я знаю, что нечего, поэтому и не прошу”.

Благодаря соседке, моя мамочка и бабушка выжили и дождались Великой победы над фашистскими захватчиками. Перед самым концом блокады их все-таки эвакуировали под Тулу, а потом переправили в Сибирь, потому что бабушка уже не вставала, у нее раздуло ноги, а мама была так истощена, что и ее, и бабушку выносили на руках.

После окончания войны моя мама и бабушка вернулись в Ленинград, пришел с фронта и мой дедушка. Для моей семьи началась новая счастливая жизнь в прекрасном и любимом городе.

Моей мамочке 20 февраля 2015 года исполнилось 79 лет, она награждена медалью “Житель блокадного Ленинграда”, очень дорожит этим, несмотря на то, что за свою длительную жизнь имеет другие награды и медали. Моя мама полна жизни, оптимизма, всю жизнь учит своих детей и внуков не сдаваться перед трудностями и никогда не забывать тех людей, которые принесли нам победу и светлое будущее, и гордиться тем, что мы — ленинградцы.

**Морозова Людмила Александровна, житель блокадного Ленинграда
(дата рождения — 26.09.1937 года. Работала с 02.07.1990 по 22.04.1997 года
заместителем начальника Инспекции по Московскому району)**

Письма отца с фронта

Рисунок Максимовой Екатерины, 15 лет.

Рисунок Алексева Андрея, 13 лет.

Самой трагичной и одновременно героической страницей в истории Петербурга были три года — с сентября 1941 по конец 1943 года. С сентября 1941 года по март 1942-го город пережил 337 воздушных тревог общей продолжительностью более 280 часов. За первые 7 месяцев блокады наш город был обстрелян 16 158 артиллерийскими снарядами. С октября по декабрь 1941 года ежедневно проводились ночные бомбардировки. С сентября 1941 года по октябрь 1943-го на Ленинград было совершено 258 воздушных налетов с участием 1876 самолетов, сброшено 4676 фугасных и 69 613 зажигательных бомб. Но подвигом были и все дни и ночи, когда население города и защищавшие его армия и флот жили и сражались в условиях блокады.

За все время блокады город безвозвратно потерял половину своего довоенного населения. Свыше 300 тысяч блокадников умерли во время эвакуации и в первые недели после нее. Около 700 тысяч защитников города погибли в боях. На Пискаревском кладбище вместе с погибшими блокадниками похоронены их неродившиеся дети и внуки.

Благодарные потомки (ветеран Л. Б. Петрова)

Самые почетные гости — ветераны.

Особая благодарность за участие в выпуске издания
генеральному директору киностудии «Ленфильм»
Э. А. Пичугину

УПРАВЛЕНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ
НАЛОГОВОЙ СЛУЖБЫ РОССИИ
по Санкт-Петербургу

Санкт-Петербург, 2015 год